

УСПЕНСКИЙ ДАЛМАТОВСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
1644

ИЗ ИСТОРИИ МОНАСТЫРЯ

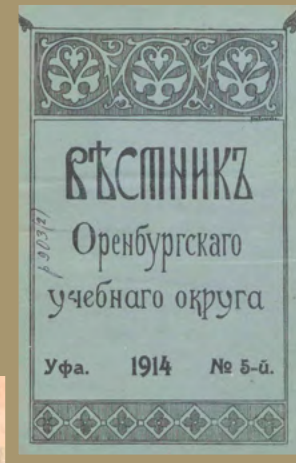

А. Кривошековъ

ДАЛМАТОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

КАК ОПЛОТ
РУССКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА
И ПРАВОСЛАВИЯ
В ИСЕТСКОМ КРАЕ
И ЕГО ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

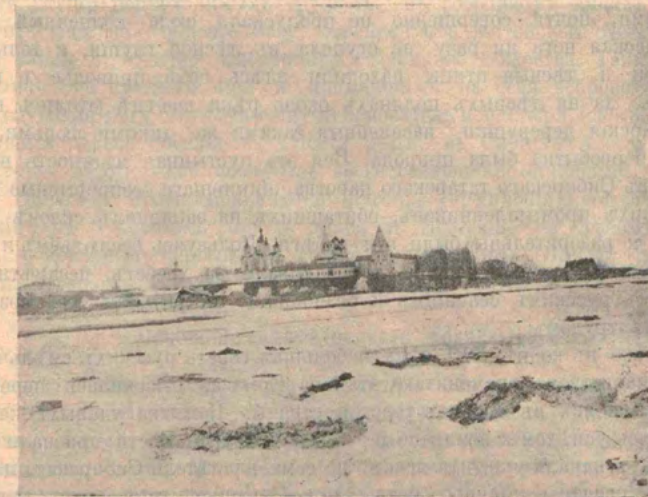

III. Научный отдѣлъ.

Далматовскій монастырь, какъ оплотъ русскаго владычества и православія въ Исетскомъ краѣ, и его достопримѣчательности.

На лѣвомъ высокомъ берегу рѣки Исети, недалеко отъ впаденія въ нее рѣчки Течи, гордо возвышается и далеко бѣлѣетъ своими высокими стѣнами, башнями и храмами древнѣйшій въ нашемъ краѣ Далматовскій Успенскій второклассный мужской монастырь, сыгравшій весьма важную роль въ дѣлѣ колонизаціи зауральской равнины, укрѣпленія русскаго владычества, распространенія христіанства и просвѣщенія. Къ сожалѣнію, въ настоящее время заслуги этого русскаго оплота забыты, и только бѣлыя стѣны да высокія башни его, свидѣтели былой тревожной жизни, напоминаютъ о великихъ трудахъ и подвигахъ стараго монастыря. При-

Общій видъ монастыря съ рѣки Исети. Высокій берегъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Бѣлаго Горо-
дища. Фотогр. снята со льда Исети. Фот. А. Кривошековъ.

поминая славное историческое прошлое, безъ преувеличенія можно ска-
зать, что Далматовскій монастырь для нашей окраины такъ же дорогъ,

Кривошековъ А. И.
Текст впервые опубликован
в «Вестнике Оренбургскаго
учебнаго округа» 1914.
— № 5, науч. отд.
— С. 195-218 ; № 6-7,
науч. отд. — С. 241-268

ББК 86.372.24-64
УДК 908
К82

Рекомендовано к публикации
Издателским советом
Русской Православной Церкви

ИС Р18-809-0330

К82 Кривошеков А. И. Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия в Исетском крае и его достопримечательности / предисл. игум. Варнавы (Аверьянова). — Далматово : Белое Городище, 2021. — 88 с. : ил.

ББК 86.372.24-64
УДК 908

Успенский Далматовский мужской монастырь и Комиссия по канонизации святых Шадринской епархии осуществляют переиздание очерка А. И. Кривошекова «Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия в Исетском крае и его достопримечательности». История появления этой работы связана с посещением автором очерка Далматовской обители в 1914 году, т.е. в 270-й год от ее основания. Величественный вид древних крепостных стен, башен, храмов не мог не заставить поразмыслить внимательного и вдумчивого паломника о «преданиях старины глубокой» и значении Далматовского монастыря в истории Зауралья.

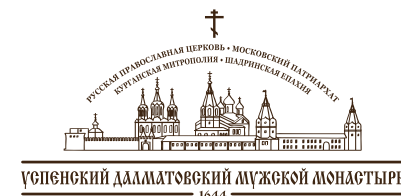
Книга предназначена для широкого круга читателей: молодежи, педагогов, краеведов, историков и всех, неравнодушных к истории своего Отечества.

ISBN 978-5-9909395-3-0

© Издательство «Белое Городище», 2021

К 205-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ ДАЛМАТОВСКОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА (1816-2021)

ИЗ ИСТОРИИ МОНАСТЫРЯ

А. Кривошеков

ДАЛМАТОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

КАК ОПЛОТ
РУССКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА
И ПРАВОСЛАВИЯ
В ИСЕТСКОМ КРАЕ
И ЕГО ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

БЕЛОЕ ГОРОДИЩЕ

2021

Братия Успенского
Далматовского мужского монастыря.
2021 г.

**Игумен Варнава (Аверьянов),
наместник Успенского Далматовского мужского монастыря,
председатель Комиссии по канонизации святых
Шадринской епархии**

Успенский Далматовский мужской монастырь и Комиссия по канонизации святых Шадринской епархии осуществляют переиздание очерка А.И.Кривошекова «Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия в Исетском крае и его достопримечательности». История появления этой работы связана с посещением автором очерка Далматовской обители в 1914 году, т. е. в 270-й год от ее основания. Величественный вид древних крепостных стен, башен, храмов не мог не заставить поразмыслить внимательного и вдумчивого паломника о «преданиях старины глубокой» и значении Далматовского монастыря в истории Зауралья. А сейчас многие ли задумываются об этом? Напомнить жителям Зауралья, а незнакомым с именем преподобного Далмата Исетского — и поведать о славной истории Зауральской святыни, как раз призван очерк нашего земляка.

Можно ли считать, что в этой публикации представлено нечто, ранее не известное? Наверное, едва ли. Но по скудости сочинений, посвященных истории Далматовского монастыря, очерк Кривошекова не только не лишен, но в некотором смысле даже незаменим. Общеизвестны основные вехи истории Далматовской обители — форпоста освоения и просвещения Зауральского края. Но историческое знание не может быть «мертвым грузом». Если до сих пор многие жители Зауралья, живя в непосредственной близости, даже не слышали о Далматовском монастыре, можно ли хранить под спудом такие работы, как очерк А.И.Кривошекова?

Непосредственным инициатором настоящего переиздания является наш земляк — известный писатель и журналист В.Н.Носков. Его радением очерк Кривошекова с некоторыми сокращениями уже был опубликован в 2017 г. в газете «Курган и курганцы». Сам Виталий Николаевич стоял у истоков возрождения Далматовского монастыря, вместе с группой единомышленников из Кургана в конце 80-х, начале 90-х гг. XX в. боролся за передачу монастырского комплекса Русской Православной Церкви. Не случайно, поэтому, образ преподобного Далмата неоднократно возникает в его творчестве (см., например, документальный фильм «Миротворцы», созданный по книге В.Н.Носкова).

Если хотя бы кто-то, прочитав предлагаемый вниманию очерк, возымеет желание посетить Далматовский монастырь, заинтересуется историей своего края, полюбит образ духовного покровителя и просветителя Зауралья преподобного Далмата Исетского, значит труды прежних и нынешних ревнителей отечественной истории не остались напрасны. Ныне, как и прежде Успенский Далматовский мужской монастырь, несмотря на неоднократные попытки стереть его с лица земли, уже четвертый век является несокрушимой твердыней Православия на восточных рубежах нашей страны.

**Виталий Николаевич Носков,
секретарь правления Союза писателей России**

Этой публикацией в зауральскую культуру возвращается забытое имя историка, этнографа, учителя и священника Александра Ивановича Кривошекова — природного казака. Он родился в станице Звериноголовской 28 августа 1882 года. Его жизнь и научные исследования были посвящены оренбургскому казачеству, родному Зауралью и Уралу. В 1914 году Александр Иванович побывал в Далматовском Свято-Успенском монастыре и оставил нам талантливый очерк. Не будем забывать, что он написан с той прямоотой, которая была свойственна началу 20-го века. До сегодняшней толерантности было еще далеко. Очерк Кривошекова, начиная с его названия, открывает былое во всех исторических реалиях того времени. Этнографические исследования А. И. Кривошекова не потеряли научного значения и ждут переиздания. Своим творчеством историк А. И. Кривошеков, отец знаменитого поэта Бориса Ручьева, завещал нам любовь к родному краю.

*Гробница
преподобного
Далмата
(современный вид)*

А. Кривошековъ

ДАЛМАТОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

КАК ОПОТ
РУССКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА
И ПРАВОСЛАВНІЯ
В ИСЕТСКОМ КРАЕ
И ЕГО ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

Вид Далматовскаго монастыря
со стороны реки Исети

На левом высоком берегу реки Исети, недалеко от впадения в нее речки Течи, гордо возвышается и далеко белеет своими высокими стенами, башнями и храмами древнейший в нашем крае Далматовский Успенский второклассный мужской монастырь, сыгравший весьма важную роль в деле колонизации зауральской равнины, укрепления русского владычества, распространения христианства и просвещения. К сожалению, в настоящее время заслуги этого русского оплота забыты, и только белые стены да высокие башни его, свидетели былой тревожной жизни, напоминают о великих трудах и подвигах старого монастыря. Припоминая славное историческое прошлое, без преувеличения можно сказать, что Далматовский монастырь для нашей окраины так же дорог, как дороги для каждого русского сердца Печерская и Сергиевская лавры. Давно пора воздать ему вполне заслуженную им славу, припомнить его заслуги перед Родиной.

Будучи первым русским поселением, он в течение 270 лет стоит на страже русского владычества в Исетском крае; принял на себя самые сильные удары диких кочевников — башкир, калмыков и киргиз; около него и под его защитой появились первые русские поселения; в его стенах десятки раз спасались и отсиживались обитатели поселений от хищнических набегов туземцев, с ненавистью смотревших на появление русского укрепления. Закинутый в дикий башкирский край, этот монастырь принес сюда свет учения Христова, явился источником и оплотом православия: любовь и всепрощение Спасителя мира впервые громко прозвучали с высокого берега пустынной Исети; звон церковного колокола заменил собою звук мечей, призывая местное население к мирной трудовой жизни. Велики заботы древнего забытого монастыря, всех их не перечислить.

Состояние Исетского края в XVI веке

К востоку от Каменного пояса (Уральских гор) по р. Исети и ее притокам раскинулась огромная равнина, покрытая непроходимыми девственными хвойными лесами. Дик и малодоступен был Исетский край триста лет тому назад. Огромные вековые деревья, сходясь своими вершинами, почти совершенно не пропускали сюда солнечный свет. Человеческая нога ни разу не ступала в лесной глуши, и только дикие звери и лесные птицы находили здесь себе приволье и полный простор, да на лесных полянках около реки кое-где ютились небольшие татарские деревушки, населенные такими же дикими людьми, как дика и первобытна была природа. Вся эта пустынная местность входила в состав Сибирского татарского царства, чинившего непрерывные набеги на русских промышленников, обитавших на западном склоне Урала. Тяжелы и разорительны были эти набеги. Пользуясь безлюдьем и огромными лесами, татары спокойно переваливали за хребет, незаметно подходили к русским селениям и беспощадно истребляли все, созданное тяжелым трудом.

Только в конце XVI века небольшая горсть русских смельчаков под начальством знаменитого атамана Ермака отважилась перейти за Каменный пояс вглубь татарской страны. Попытка удалых казаков увенчалась успехом: земли по р. Тоболу, Туре, Исети признали

власть русских и начали платить ясак; но сам владетель Сибирского царства, Кучум, после неудачной битвы при Чувашьей горе, как известно, бежал в Ишимо-Иртышские степи: «утече на калмыцкий рубеж Ишима, Нор-Ишима, Оми»..., по выражению летописца Ремезова.

Однако и после покорения Искера горсть казаков не могла удержаться в завоеванном крае: их было слишком мало, чтобы сдерживать сильнейшего неприятеля. «Поэтому после гибели Ермака его сподвижники в числе 150 человек под начальством атамана Мещеряка поплыли вниз по Иртышу — обратно на родину. Казалось, дело русских погибло, и татары снова по-прежнему будут грабить и разорять приуральское население. Отдаленность и недоступность здешней местности давали полный простор разбойничьим набегам: укрыться и спрятаться было где. Но из Москвы на помощь казакам уже спешил воевода Мансуров с большим числом ратных людей. Встретив на пути возвращающихся завоевателей, он вместе с ними укрепился при впадении Иртыша. Вслед затем Московское правительство высылало новые полки, и уже в 1586 году на реке Туре воеводою Сукиным был заложен Тюменский острог (ныне город Тюмень), а в следующем 1587 г. при впадении Тобола в Иртыш, недалеко от главного сибирского города Искера, воевода Чулков заложил сильную крепость — Тобольск.

Отсюда, подвигаясь вверх и вниз по рекам, русские постепенно проникают в самые отдаленные и глухие местности. Новые толпы «гулящих» вольных людей в поисках славы и добычи толпами идут в Сибирь, оседают на новых местах, основывают городки и остроги. Вместе с буйной вольницей проникают сюда и мирные воители духа, ищущие не мирской славы и почестей, а спасения своих грешных душ, чтобы в уединении, в глуши непроходимых трупоб, в сообществе диких зверей, посвятить себя служению Богу, отречься от житейской суеты, преходящей славы и отдаться мысленному созерцанию Божества. Таким отрешившимся от суетного мира и принявшим на себе добровольный подвиг служения Богу был знаменитый основатель монастыря, инок Далмат, устроивший первое поселье на «Исети реце, в Сибирстей стране», в 1644 году. Шесть лет монастырь был совершенно одиноким, и только после этого на Исети появляются русские укрепления — остроги: Усть-Миасский — в 6 верстах от р. Миасс и Исетский — на левом берегу Исети, основанные первый в 1650, а второй в 1656 г. исетским конным казаком Тобольского разряда Давыдом Андреевым.

Основание Далматовского монастыря

Основателем Далматовского монастыря был тобольский служилый казак Дмитрий Иванович Мокринский, в монашестве инок Далмат: «чином воин, дворянской породы», сказано в монастырской записи архимандрита Исаака. Мать Дмитрия была татарка из новокрещеных. Вследствие этого можно с достоверностью предположить, что отец Мокринского, казак Иван, пришел в Сибирь, если не в отряде Ермака, то во всяком случае вскоре после покорения Сибири, когда здесь еще не было русских женщин, а потому первые пришельцы женились на татарках. Вероятно, впоследствии за свои заслуги он был пожалован в дворяне, а может быть, и пришел сюда дворянином. Словцов в обозрении Сибири говорит: «поколение в казацком сословии первоначально пошло от крови татарок, которые, быв обласканы смелыми пришельцами, взошли на ложе их, впоследствии законное, наподобие сабинянок и с чертами кавказского отродья не обезобразили мужественного потомства». Имя матери Дмитрия неизвестно; известно только, что она была из рода тюменского татарина Илегея Магометова. В древней монастырской рукописи читаем: «Неизвестно, где родился инок Далмат, как провел лета детства и юности, также где и какое получил образование, но то достоверно, что отец его — переселенец из России Иоанн

Старец Далмат
с иконой Успения
Божией Матери.
Фрагмент росписи
гробницы в его
усыпальнице

Мокринский, а мать из новокрещеных татарок из поколения тюменского татарина Илегея. Инок Далмат, в мире Дмитрий, домоправитель не весьма достаточный, но и не бедный; сведущ на природном языке в письме и чтении и особенно усерден ко св. церкви, считая те часы бесценными, в которые присутствовал при богослужении. Он, влекомый желанием не часть жизни, но и целую жизнь посвятить на служение Господу, оставил звание свое и дом в городе Тобольске, также семейство¹ и всех сродников и, удалившись в уезд Верхотурский, в Невьянском Богоявленском монастыре² облекся в чин иноческий, но по поступлении недолго там был украшением и примером жизни богоугодной. Когда в Невьянском монастыре единодушно все положили, чтобы возвести Далмату на степень строителя, он, не начальства искавший, но уединения, вышел из монастыря тайно, направил свой путь с иконой Успения Божией Матери по некоему свыше откровению, — под калмыцкую степь и на берегах Исети, от источника

¹ Известно, что Дмитрий в мире был женат и имел детей; один из его сыновей впоследствии постригся в монахи под именем Исаака и был первым настоятелем основанного отцом монастыря.

² Этот монастырь ныне упразднен.

до впадения в Тобол, в то время необитаемых, первый в 1644 г. поселился от сибирских городов и слобод на три днища пути, ископав в овраге к западу пещеру при подошве Белого городища³.

Место, выбранное Далматом под поселье, было слишком пустынно и уединенно, но в стратегическом отношении весьма удачно, с высокого обрывистого берега Исети открывался прекрасный вид во все стороны, а особенно на речную долину, давая полную возможность наблюдать и обстреливать неприятеля, а крутые обрывы, с одной стороны, глубокого оврага, а с другой — Исетского берега, составляли надежное естественное укрепление. Это урочище было известно под именем Белого городища, очевидно, по имени обрывов с беловатою глиной.

Как ни был дик и безлюден далекий край, но молва о смелом подвижнике быстро стала распространяться по Сибири и перекинулась в Россию, вызывая невольное уважение к святому отшельнику. «Миро даже под печатью, но чем более крепкими, чем более многосложными напитано ароматами, тем обширнее круг, по которому текут от сосуда струи благоухания, — говорит та же рукопись. И отшельник Далмат, хотя в пещере жил, в стране пустынной, в лесах дремучих, едва проходимых, но жил не в таком забвении, чтобы никому кроме Бога не был ведом в уединении: ибо отголосок молвы, в концах Сибири огласивший с быстротою его благочестие, добродетели, не медлил проникнуть и в пределы России, за хребет Каменный. Вскоре собралось сюда немало иноков и бельцов, как бы в отишие от волнений моря житейского. Первый пришлец к Далмату и первый сподвижник был старец Иван, ученик старца Досифея, по откровению и извещению некому к нему из Нижнего Новгорода пришедший, и когда пещера, дело рук и трудов Далмата, по тесноте не вмещала сбора подвижников ни при молитве, ни в часы отдыха, они над пещерою водрузили деревянную часовню с сеньми, дабы молитва, уже не в сердце земли, но в виду тварей приносимая, восходя к небесам, издавала отклики и в пространстве природы».

Так было положено начало Далматовскому монастырю, который первое время в официальных указах именовался «Исецкою пустыню, иже в Новой Сибири под калмыцкою степью от сибирских городов и слобод в четырех днищах»⁴, а затем — «Тобольскаго уезду Исецкой Успенской монастырь Далматова пустынь»⁵.

³ Древняя рукопись из архивных актов Далматовского монастыря с 1651 по 1730 г. (в монастырском архиве), которою мы будем пользоваться с изложением исторических сведений.

⁴ В грамоте царя Алексея Михайловича в 1659 г.

⁵ В грамоте царя Феодора Алексеевича в 1682 г.

Нападения Илегея

Недаром прошла слава об отшельнике Далмате, дорого она стоила ему и много принесла бед с первых же дней поселения на Белом городище. Виновниками их были русские люди, сметливые скупщики Шипицыны и Королевы. Место, на котором поселился Далмат, принадлежало тюменскому татарину Илегею, который владел им на вотчинном праве и с подвластных татар получал в свою пользу ясак, отданный им на откуп русским пришельцам, пронырливым торговцам, явившимся в нетронутый край вслед за завоевателями в чаянии больших барышей и выгод. Край этот, действительно, был богат всевозможными естественными произведениями: в глуши непроходимых лесов водилось очень много пушных зверей; озера и реки кишели рыбою; по сказанию монастырской летописи, здесь даже «выдры и бобры ловились», а в недрах земли — обилие ископаемых богатств. Всеми этими богатствами на Исети бесконтрольно пользовались «русские люди Ирбитцы и Невьянцы по прозванию Шипицыны и Королевы с товарищи», бравшие у Илегея на откуп и ясак с его вотчины. «И сих-то промышленников клевета, что старец здесь монастырь заведет и отымет вотчину,

Явление Божией Матери татарину Илегею в сонном видении. Фрагмент росписи гробницы в усыпальнице старца Далмата

побудила Илегея не раз покуситься на безопасность, даже жизнь беззащитного инока». Очевидно, появление на берегах Исети скромного отшельника не на шутку смутило откупщиков, которые, опасаясь за свои доходы, но боясь вредить пустыннику прямо, подействовали на татарина, угрожая ему потерей вотчины. Хотя «и зле изрекли, но изрекли пророчески», говорится в записи Исаака. Подстрекаемый откупщиками, Илегей с огромною толпою приближенных двинулся на Белое Городище, дабы убить незваного пришельца. «Но рассыпаются там замыслы, где праведник под защитою свыше и должен быть жив для целей спасительных. Так и Далмат не только не оскорблен Илегеем и не лишен жизни, но и в самом деле остался впоследствии владельцем его вотчины». Далмат был захвачен в своей пещере, удар нанесен; но меч татарина опустился, когда отшельник объявил себя родственником его по матери, «причелся к нему родом. И абие Илегей преста от убийства на малое время». Однако, происки откупщиков не прекращались и после: слишком опасен был для их выгод подвижник, а потому они не переставали обвинять его пред татаринном... «И вот осенью 1645 года толпа татар, вооруженная и вооружающая

Илегея мечом и злобою против Далмата, еще раз спешит на Белое городище». Она раскинула свой стан на правом луговом берегу реки Исети, в виду пещеры старца. Но здесь внезапно чудесное знамение спасло отшельника. «Явилась Илегею в сонном видении некая благолепная жена в ризах багряных, с бичем в деснице, грозно воспевающая не только убивать, но и злоречить старца и повелевающая даже и вотчину отдать Далмату. В трепете и объятый ужасом Илегей во утрии пришел в пещеру и поведал Далмату о сем грозном видении, нарек тое жену Пресвятую Богородицу. Так дивно сокрушились замыслы клеветы ко славе Богородительницы, к отраде в напасти поклонника Ея пречестной иконе». С этих пор Илегей стал близким другом старца, а затем весною 1646 г., когда окончился договор с ясачными откупщиками, он в точности исполнил грозное повеление Богоматери: в сопровождении своих родственников он обвел Далмата по границам своей Исетской вотчины и отдал ее старцу в вечное владение; в знак же своего особого уважения к святому мужу и полного своего смирения он подарил ему свои боевые доспехи — кольчугу и шишак, которые и доньше хранятся в усыпальнице основателя, инок Далмата.

Безуспешные нападения, чудесное видение и необыкновенная передача Илегею вотчины способствовали славе великого отшельника. С этих пор к одинокому пустыннику начинают стекаться инок. Первые поселенцы вместе с Далматом по-прежнему жили в пещерах, ископанных в овраге. Только деревянная часовня с сенями на горе указывала на пребывание здесь монахов.

*Шлем и кольчуга,
подаренные Иле-
гею старцу Дал-
мату. Хранились
в усыпальнице*

Калмыцкий набег

В том же 1646 году калмыки неожиданно прикочевали к южным границам Сибири, сделали внезапный набег на неокрепшие здесь русские поселения и, между прочим, до основания уничтожили только что возникший Далматовский монастырь. «Между тем в книге судеб уже решено было еще искусить Далмата, еще испытать его веру в горниле злоключений, для сердца поразительных. Калмыки, хищные степей скитальцы, подкочевати к южной черте земель Сибири, подвластных владычеству России, сделали набег на берега Исети и Течи безлюдные, вблизи Белого городища, ни острогами, ни пограничною стражею еще не снабженные. Сии дикари какого бесчеловечия, каких жестокостей виновниками здесь не были? Они и часовню и сени обратили в пепел; они иноков после пыток и ужасных мучений то сожгли, то мечом побили, то увлекли в плен и неволю; немногие успели сохранить жизнь и свободу побегом. На следах пожара и насильственной смерти дивным образом небо спасло только старца Далмата, как Нила в пустыне Раифской, да оплачет в горести невозвратимую потерю сподвижников; также и икона Успения Божией Матери в нем обретена целою, но только с пятном запаления, где прикоснулась к ней дерзкая рука иноплеменника. Уже проходит два века, как сия икона, подобно купине, прибыла в огне таким образом

Чудотворная икона Успения Божией Матери в храме в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» Далматовского монастыря

Чудотворная икона Успения Б. М. из Далм. Монаст.

неопалимою, но мы и теперь еще зрим ее нетленною и лобызаем, как кивот бесценный, и поклоняемся ей в храме честного и славного Успения Богородительницы».

Казалось бы, после калмыцкого разгрома монастырь на Белом городище должен был запустеть, но, по счастью, основатель его, Далмат, остался жив. Разбежавшиеся монахи снова собрались, а вскоре пришел из Тобольска и сын его Иоанн, принявший монашество под именем Исаака. Было приступлено к возобновлению часовни и келий. Жить в незащищенных пещерах ввиду постоянных набегов было опасно, поэтому кельи и часовня были устроены на горе и обнесены тыном (частоколом). «В защиту от орды неприязненной, то имением своим особым, то приношениями боголюбцев и вкладчиков воздвигнули, а землю, промысел рыбный и все угоды от насилия русских людей по межам и урочищам в том положении, как татарин Илегей отдал вотчину, от Белого Городища, на запад до высокого Красного яру, на север до Казанской дороги и озера Атяшу, на восток до речек Ольховки и Крутихи, на юг к источнику Течи до больших соснягов, сначала досмотром Тобольского боярского сына Павла Шульгина обезопасили по челобитью 1651 г. к Тобольскому воеводе князю Василию Борисовичу Шереметеву, потом в 1659 г. 17 мая и грамотою Царя и Великого Князя Алексея Михайловича».

Появление поселенцев

Устройство частокола и башен несколько обезопасило монастырь и сделало его достаточно сильной крепостцой, особенно в столь отдаленном крае. Слух об этом быстро разнесся по Сибири. «Узнали, что в предгории Урала, на юге, куда уклонились от преследования победителей племени туземные, есть места привольные, есть уже под калмыцкою степью и пустыня в набег калмыков сожженная, но иноками опять отстроенная и на своем месте возобновленная, и русские пришельцы со средней плоскости Сибири западной, стесняемые в удобствах оседлой жизни, кинулись сюда толпами, изыскивая земель хлебородных более пространных для заселения». Волна колонизационного движения шла с двух сторон: от Перми с Урала и из Тобольска вверх по Тоболу и Исети. Впереди правительственных дружин, как и везде, двигалось вольное казачество, а вслед за ним шли толпы пашенных черносошных крестьян, искавших земельного приволья. Вскоре они добрались до монастырской вотчины. В период с 1651 по 1658 г. под защитою монастыря возникли три поселения пашенных крестьян и бобылей, основавших на земле монастырской, по левому берегу Исети: одно — в версте от монастыря под именем Служней слободы (ныне г. Далматов), второе — в 12 верстах, ниже по течению реки под названием Нижнего Яра и третье — в 7 верстах выше монастыря, — Верхний Яр. Пашенные крестьяне и бобыли водворялись на монастырских землях на правах аренды,

Вид на Далматов-
ский монастырь
с северо-запада

назывались вкладчиками-кабальными; — за пользование угодьями они платили монастырю или личным трудом, или хозяйственными продуктами и деньгами. Бобыли и пашенные, приписавшись в число вотчинных крестьян, получали право до самой своей смерти, по своей дряхлости жить на полном содержании пустыни. Вот почему поселенцы охотно шли сюда и селились здесь тем более, что и сами отношения между монастырем и вотчинниками были более мягкими и человечными, нежели у помещиков. Кого только здесь не было: «по званию — иноки, дворяне и лица духовные; люди служилые и гулящие, пашенные крестьяне, безбрачные и женатые: то из Москвы, то города Тобольска, Сольвычегодска, то из слобод прибрежных к Пышме, Нице, а впоследствии к Исети — и все получали от монастыря вкладные записи». Таковы здесь были первоначальные насельники, которые положили начало мирной земледельческой оседлости в Исетском крае.

Охраняя жизнь и имущество мирных поселенцев, монастырь особенно заботился об их духовно-религиозных потребностях. По челобитию инок Далмата с братию о духовных нуждах мирян, грамотою преосвященного Симеона, архиепископа Тобольского, 29 января 1658 г. разрешено воздвигнуть в Служней слободе для потребностей мирян деревянную церковь во имя Святителя Николая; в этом же году церковь была построена и освящена. Таким образом, первый православный приход на берегах Исети, в далеком Зауралье, образовался в вотчине монастыря по ходатайству братии его.

Башкирские погромы

Южные склоны Уральского хребта с давних пор были населены башкирами, которые в соединении с сибирскими инородцами опустошали пограничные русские области, но нередко и сами много терпели от степных киргиз и ногайцев. В 1584 г. они отдались под защиту могучей России, основавшей здесь город Уфу, исключительно для защиты башкир и сбора с них ясака. Под покровительством московского правительства башкиры скоро оправались от ногайского ига и киргизского разорения, но вместо благодарности с недобрыми чувствами смотрели на своих защитников, русских пришельцев, заселявших плодородные, но безлюдные земли. Началась тяжелая, упорная борьба, продолжавшаяся почти два века; несколько раз башкиры поднимали поголовные восстания, ознаменовавшиеся страшными кровопролитиями и разгромом русских сел. Особенно памятны два восстания: Сеитовский бунт в 1662–1664 гг. и Алдаро-Кусюмовский в начале XVIII столетия.

Далматовский монастырь, возникший впереди русского населения, обнесенный стеной и снабженный пищалями, являлся естественным оплотом, откуда русские поселенцы подвигались в глубь Сибири. Он особенно был ненавистен башкирам, которые не раз пытались совершенно уничтожить его. Единственную надежную преградою в этом отношении была многоводная Исеть, несколько сдерживавшая набеги кочевников. Во время Сеитовского бунта огромная толпа под началь-

ством какого-то сибирского царевича, истребив русские поселения на южной границе Сибири, подступила к Далматовскому монастырю: «То держала в осаде, то грозила взять приступом в течение трех лет, 1662, 1663 и 1664 г., а при обстоятельствах так тесных, так бедственных, для монастыря, укрепленного стенами и бойницами, в виде острога, защищаемого то огнем пищалей и мелкого оружия, то острием бердышей, стрел и копий. Сколько разорения произошло в открытой для грабежа вотчине: кровожадная толпа варваров всех пашенных крестьян и бобылей без жалости мечом побила; жен и детей, весь скот увела в полон для продажи как будто бы по праву завоевания; они вне монастыря и приходской храм Святителя Николая, и Служную слободу, и водворение на Нижнем Яру разорив, обратили в развалины и пепел. Не остались в целости и Далматовские монастырские здания: меж тем как тянулись сюда полки ратных людей из Тобольска, монастырь, в крайности покинутый иноками, уже без защиты, варварами не оставлен даже в развалинах, но по сожжению сравнен с землею. Так еще раз вторжение степных дикарей стены и здания монастыря сокрушило. Но не сокрушило ни мужества, ни терпения основателя оного. Инок Далмат и с ним Исаак, когда ратные полки приблизились к берегу Исети, сильно чем только могли содействовали и к прекращению бунта, и к поражению орды неприязненной». Одновременно были разгромлены и все соседние остроги. Когда прибыл сюда полковник Полуектов с войском, Исетский край представлял полную картину разрушения; мятежники же под натиском ратных людей вскоре смирились.

Из груды пепла первым был восстановлен монастырь. В том же 1664 году старец Далмат и Исаак в сообществе с вернувшимися беглецами энергично принялись за работы: снова была устроена деревянная церковь во имя Успения, братские кельи. Все постройки были обнесены теперь более прочным бревенчатым заплотом в столбах, с тремя рублеными башнями по углам. Монастырь был снабжен пушками и оружием и таким образом сделался грозною крепостью; его стратегическое значение усилилось: под защитой крепостных стен постепенно возродились разгромленные деревни и Служная слобода.

Прошло 30 лет спокойной жизни. В 1707 году в Башкирии вспыхнуло новое страшное восстание, известное под именем Алдаро-Кусюмовского бунта. Исетские башкиры примкнули к своим единомышленникам и прежде всего напали на вотчину Далматовского монастыря, опустошили ее, разорили многие деревни вотчинных крестьян, сожг-

ли хлеб, угнали скот; но население было спасено: спасителем его явился Далматовский монастырь. При первых натисках башкир поселяне, помня ужасы Сеитовского бунта, бросив дома и хозяйства, бежали в монастырь. Все помещения монастыря и вся Служная слобода, находившаяся под защитой монастырских пушек, были буквально переполнены: «И на подворьях у монастырских крестьян, в банниках и хлевниках (беглецы) прибежища зимние находили». Все окрестные укрепленные слободы: Крутихинская, Песчанная, Теченская и Шадринская были разорены до основания башкирами, которые, несмотря на свою огромную численность, не решались напасть на укрепленный монастырь, снабженный пушками и пищальями. После Сеитовского бунта и возведения заплота, по указу царя Феодора Алексеевича от 11 февраля 1682 г. для обеспечения монастыря были присланы «две пищали, а весу в них полшестнадцать фунтов», десять винтовок, тридцать мушкетов и гладких пищалей, пара пистолей, три карабина с значительным количеством пороха винтовочного, пушечного и запасом свинца; затем с соседнего Каменского завода в 1704 г. прислано «10 пушек трехфунтовых и ко всякой пушке по два ста ядер». Все это оружие делало монастырь довольно сильною крепостью против башкир, вооруженных только кольями да стрелами.

Положение среди враждебного инородческого населения, которое постоянно волновалось и нападало на русских, заставляло монастырь быть всегда готовым к отпору и ставило его защитником окрестного населения и грозой окружающих врагов. Вот почему необходимо было сильнее укрепить его, так как старый заплот приходил в ветхость. Еще при жизни старца Далмата предполагалось обнести вокруг монастыря каменную ограду, с рубцами, бойницами и башнями; но этому намерению помешал внезапно вспыхнувший башкирский бунт, который показал огромное стратегическое значение монастыря. Вскоре после прекращения восстания, в 1713 году, начались работы по устройству каменных стен, продолжавшиеся целых 11 лет, т. е. до 1724 года. Кирпич приготавлился и обжигался вотчинными крестьянами, кладка производилась ими же при помощи нанятых рабочих. Существует предание, что для большей прочности кирпичей глину предварительно проваривали в огромных котлах, а затем уже приступали к выделке кирпичей. Один из этих котлов и до сего времени хранится в подвале монастыря. И, действительно, кирпич, из которого сделаны укрепления, какой-то особенной крепости. Вот уже 200 лет, как стоят стены монастыря, а даже в верхних, ничем не прикрытых кирпичах зубцов

и площадок не видно и тени разрушения. «Кабальные крестьяне делали, — говорят монахи, — оттого и крепки». Ввиду важного государственного значения этого монастыря на устройство стен его были отпущены значительные средства из сумм казны. Так в 1711–1718 гг. по 200 рублей, по 50 пудов соли и 100 четвертей овса из таможенных доходов Шадринской канцелярии, а «в 1717–1719 гг. повсягодно по резолюции Сибирского губернатора князя Гагарина в Исетску по 200, в Шадринску по 100 и в Тюмени единовременно 100 рублей».

Приведу описание крепостных стен, по монастырской летописи. Ограда монастыря возведена в 1713 г. из кирпича. Занимает площадь в 9450 квадр. саж. в фигуре неправильного шестиугольника. Внутри ее от запада до восточных ворот длина 105 саж.; от северных до прежних полуденных 90 саж., а вся не выключая и тех частей, на которых опираются башни и здания простирается на 359 саж. 3 четверти. В восточных вратах стены севера и востока сходятся в виде тупого угла. Первая до углов северо-восточного бастиона в длину 44 саж., в высоту со щитами или зубцами 3 сажени, а в толщину ниже щитов 1 саж. 1 четверть; вторая до угловой юго-восточной башни в длину 45 саж., в высоту со щитами 2 сажени 2¹/₂ арш., в толщину 2 аршина 2 четверти. Северная стена тянется от северо-восточного бастиона до северных въезжих ворот на 47 саж., полуденная стена от угловой юго-восточной башни до полуденных въезжих ворот на 39 саж. Первая в высоту со щитами 3 сажени, а в толщину 1 саж. 1 четверть; вторая в высоту со щитами 2 саж. 2 арш., а в толщину 2 арш. 2 четверти. Поелику же Далматовский монастырь с оградой созидался как пограничное укрепление против степных набегов к защите русских окрестных заселений, то со стороны севера, востока и юга, там, где предвиделось более опасности при осаде в случае приступа, и стены клались более прочные. Напротив, северная стена на протяжении к западу (сев.-зап.) от гостиницы до северо-западной башни, складена со щитами, но обезопасенная крутизною оврага или рва в 8¹/₂ арш. уступает по толщине другим стенам. Равно и западная стена, как обезопасенная крутизною гороската к р. Исети на 12 саж., складена ниже и без щитов. Башен на ограде завершенных кирпичным шатром две, из коих одна, на юго-восточном углу от основания шпица вся осьмиугольная; вторая на углу юго-западном с основания в виде квадрата и от свода до шпица осмисторонняя, каждая с шатровым верхом и возвышается от земли на 10 саж. На северо-западном углу находится башня под названием Красного бастиона до сих пор еще не завершенная. Она с основания

в виде квадрата, а выше щитов над оградой в виде восьмиугольника. Вообще же там, где не примкнуты здания в стенах ограды, один под другим сквозят бои винтовочные и оружейные, а пушечные бои в случае штурма обстреливать могут ограду с бастионов и башен.

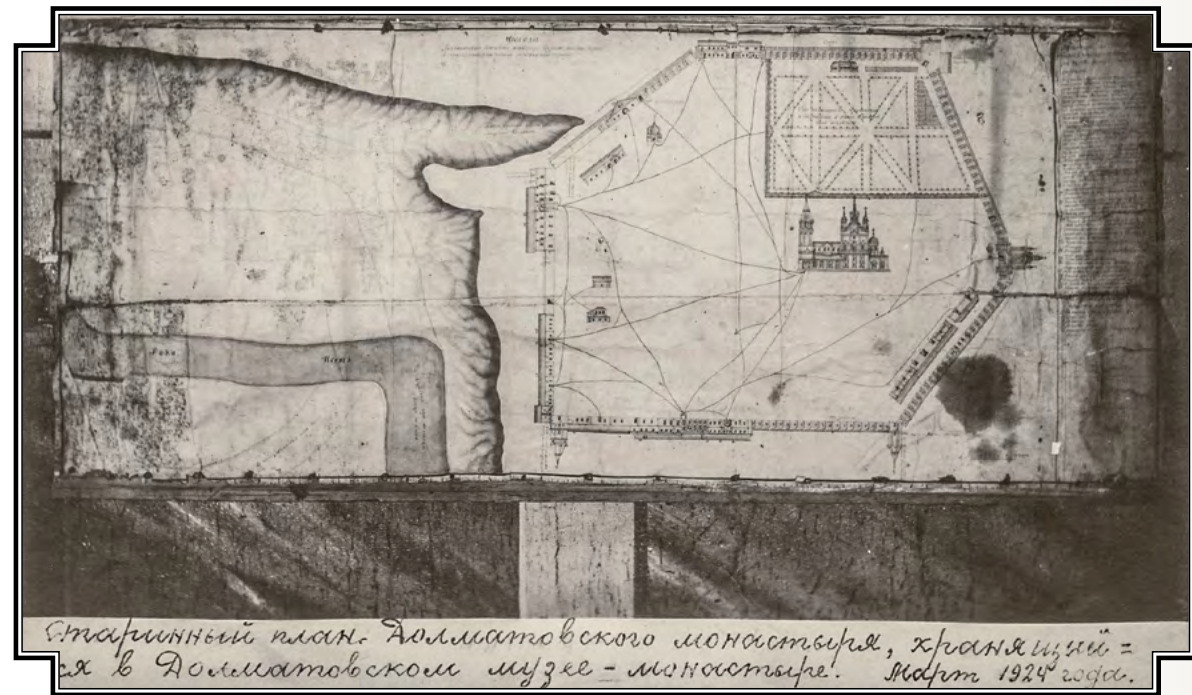
Обе башни внутри имеют три яруса с поперечными бревнами, на которых прежде были настланы полаты, где помещалась артиллерия; на каждой грани башни имеются круглые окна (бойницы), в которые были направлены жерла орудий, так что, благодаря такому устройству, на первых и вторых полатах могло поместиться по 8 пушек, раскинутых веером, а на третьих 4 пушки, следовательно, на каждой башне по 20 орудий, направленных жерлами в 8 сторон и одновременно могущих обстреливать не только местность, расположенную впереди их, но стены и внутренности крепости. Что касается бастионов, то они имеют несколько иное устройство. Так, восточный представляет из себя обыкновенную открытую площадку, около 9 x 9 арш., защищенную зубцами. На этой площадке в былое время был устроен пол, где помещались пушки, поворачивавшиеся по мере надобности в любую сторону. Внутри бастиона внизу помещение для пушкарей и ядер, а также несколько бойниц для пушек. Красный бастион представляет собою неоконченную башню и имеет два яруса: первый — в четырехугольнике и второй в 8-угольнике; там и тут бойницы для пушечных жерл.

Самая ограда монастыря представляет из себя копию стен московского кремля с такими же зубцами, около которых с внутренней стороны вдоль всей стены проходит парапет, т. е. широкая, около 2-х аршин, дорожка, на которой помещались воины, при обороне стен. Площадка довольно широкая, так что два человека могут свободно разойтись на ней. Ниже этой площадки с внутренней стороны стен устроены огромные ниши, одна подле другой, с пробитыми насквозь небольшими окошечками-бойницами. Здесь помещалась вторая линия защитников. Таким образом стены крепости были весьма хорошо приспособлены к обороне; а потому можно было весьма удобно отбивать нападения с любой стороны. Кто был строителем этой прекрасной монастырской крепости, неизвестно, но вероятнее всего, — простые монахи и особенно игумен, Исаак, бывший в молодости военным.

В Далматовском монастыре было несколько подземных тайны ходов, о которых и до сего времени ходит много преданий. Хотя входы их уже все завалены и не осталось даже признаков их, но старожилы-далматовцы отлично помнят их и указывают места, где начина-

Видъ изъ Даллаатовъ. Монах. колокольни на Ново-Ростову

лись они. Из угловой юго-западной башни вело несколько подземных ходов. Главный из них шел в Успенскую церковь прямо в алтарь, откуда и в настоящее время идет секретный ход в алтарь верхней летней церкви. Отсюда начинались два хода: первый шел из усыпальницы к святым воротам и выходил в Служную слободу; второй шел из ниши в притвор на запад, проходил под стенами монастыря и под угловою северо-западною башнею и выходил частью к Исети, а другою частью к источнику Далмата и его пещере. Кроме того, почти посредине монастырской ограды имеется, будто бы огромная пещера, где прятались монахи и защитники монастыря; отсюда вели подземные ходы к обеим башням и бастионам, а также к водяному источнику и Исети, а также к амбарам и кладовым монастыря. Все ходы в начале имеют небольшие отверстия (человеку едва можно пролезть), а дальше идут галереями в рост человека наподобие киевских пещер. Вход в каждую галерею закрыт железными дверями, за которыми следуют толстые деревянные, окованные железом; все двери заперты на огромные замки. Существует предание что в большой пещере среди крепости и донныне хранятся древние богатства монастыря, старинные вещи и огромные сундуки. Рассказы о тайных подземных ходах записаны со слов далматовских старожил и монахов, но достоверно о направлении ходов не знают, хотя говорят об этом все. Существование подземных ходов можно считать действительным фактом, так как известно, что монахи во время осады получали посредством их воду извне.

Деятельность старца Далмата и игумена Исаака

И злагая события из истории Далматовского монастыря, нельзя обойти молчанием деятельность первых его устроителей, старца Далмата и игумена Исаака.

Основатель монастыря старец Далмат слишком много потрудился над устройством своего детища, пустыни, и пережил тяжёлые годы бедствия и испытании; несколько раз он был близок к смерти от инородцев — врагов; два раза на его глазах монастырь был уничтожен до основания, и два раза он снова возводил его из груды пепла и развалин. Но Далмат, не искавший по своему смирению суетной славы и власти, до самой своей смерти остался лишь простым старцем-иноком, несмотря на то, что ему, как основателю, устроителю и руководителю монастыря по праву принадлежало и настоятельство в нем. Он жил отдельно от братии. В сенях около его келии постоянно стоял деревянный гроб, сделанный им самим.

При нем было устроено несколько селений монастырских пашенных крестьян и слобода Служная, впоследствии называвшаяся Нико-

Портреты
старца Далмата
(слева) и его сына
архимандрита
Исаака (справа),
хранившиеся
в усыпальнице

лаевскою, а ныне городом Далматовым, а также — первый в Зауралье приход и две церкви в самом монастыре. Главная же заслуга старца Далмата заключалась в духовном руководстве не только монахов, но и всех вообще первых поселенцев на монастырской вотчине: он был примером не только для православных, но и для магометан, которые относились к нему с большим уважением.

Когда число монахов увеличилось, Далмат избрал строителем монастыря старца Никона, а сам отстранился от дел. Но Никон был очень суровый, строптивый и жестокий человек. Поэтому вскоре посыпались на него доносы и изветы Тобольскому митрополиту от вотчинных пашенных крестьян, которых Никон изнурял работами по устройству монастыря, а неповинующих истязал. Вследствие этого он два раза вызывался в Тобольск для очной ставки с изветчиками и по доказательству «был бит кнутом», но затем снова возвращен в монастырь, причем в указе говорилось, чтобы «ни изгона, ни обиды

служителям впредь не чинил, а писал бы буде они в чем учинятся сильны и не послушны или станут каким воровством воровать и быть ему (Никону) в жестоком смирении и в пени, если о таких делах впредь будет от кого на него челобитье».

Особенно много потрудился на пользу Далматовского монастыря первый игумен его Исаак, сын Далмата. Он пришел к отцу в 1664 году, т.е. после первого башкирского бунта. Как человек деятельный, он вскоре встал во главе монастыря. В 1666 г. митрополитом Корнилием Тобольским инок Исаак был возведен на степень чтеца, иеродиакона, иеромонаха и послан игуменом в Далматовскую пустынь, но игуменствовал лишь три года, 1666–1669 г., а затем попал в немилость. Раскол в русской церкви коснулся и Исетского края. Исаак был обвинен в укрывательстве раскольников, а, может быть, даже и в сочувствии расколу. Вследствие этого он был лишен игуменства и запрещен в священнослужении, но оставлен на житье в Далматове. Только спустя шесть лет, в 1675 г. по челобитью игумена Афанасия и старца Далмата с братиею, митрополит Корнилий прислал грамоту, в которой писал: «И мы, Великий Господин — для прошения старца Далмата и для твоего (игумена Афанасия) моления, пожаловали вас, благословили и велели прежде бывшему игумену Исааку для келейного правила держать патрахель и вечерни и заутрени служить, и тебя, игумена, и прежних детей духовных и вновь хто будет приходить — на исповедь принимать, а божественной литургии отнюдь служить не велеть». Полное разрешение на совершение всех богослужений Исаак получил лишь в 1685 году по следующей своей челобитной: «Великому Господину Преосвященному Павлу митрополиту Сибирскому и Тобольскому бьет челом и плачет богомолец твой Успенской Далматовской пустыни по нужди игумен убогий Исаак. С прошлых, Государь, годов по нынешнее время годов с шесть лишился я недостойный святых тайн причастия тела и крови Христа Бога нашего и упразднен от святых литургий; боюсь, да смерть меня в том не застала. Милостивый Великий Господин и Отец Преосвященный Павел митрополит Сибирский и Тобольский, пожалуй меня убогого и грешного, не положи мя в презрение по своему пастырскому рассуждению, благослови мне, богомольцу своему, служити святую литургию; Великий Господин и Отец наш, смилуйся и пожалуй». Митрополит Павел на обороте прошения положил следующую резолюцию: «193 (1685) года июня в день Смиранный Пав., митрополит Сибирский, свидетельствовав Отцем духовным иеромонахом Авраамием указал:

игумену Исааку священная действовать в Далматове монастыре по-прежнему, а чтоб расколов никаких не твори, аще дерзнет расколы чинить и нашего благословения ныне и впредь с ним, Исааком, несть и не будет и во втором пришествии сам да даст ответ Богу и хорошо знать и понимать совесть свою»¹.

Насколько велика была вина Исаака, из дел не видно, но едва ли она была значительной, так как в противном случае он не был бы оставлен в этом монастыре и не был бы допущен митрополитом Корнилием быть духовником всей обители. Очевидно, он сделался жертвою чрезвычайной строгости, с какою тогда преследовались даже подозреваемые в расколе. Кроме того, всю остальную жизнь с 1685 по 1724 г. Исаак провел в этом же монастыре, как настоятель, а затем был возведен даже в архимандриты. Все это говорит за то, что особой вины за ним не было, так как, будучи запрещенным в священнослужении, Исаак все же носил звание игумена, как это видно из грамоты того же митрополита Павла, выданной на освящение Иоанно-Богословской церкви. Привожу этот документ полностью, как образец указа того времени². «Божиею милостию Великий Господин Преосвященный Павел, Митрополит Тобольский и всея Сибири по благодати, дару и власти Всевышнего и Животворящего Духа данной нам от Великого Архиепископа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в нынешнем РЧА. (191, т.е. 1683 г.) марта в 22 день били нам челом Великому Господину с Исети Успенского монастыря *игумен Исаак* с братиею, чтобы нам Великому Господину пожаловати их благословите и велети им в монастыре над св. воротами новозиданную церковь Иоанна Богослова освятить и дать антиминс, миро и масло; и мы, Великий Господин, слушав их челобитья, пожаловали игумена Исаака с братиею — благословили и велели им над св. вратами церкви Иоанна Богослова освятить и на освящение антиминс и миро и масло дано; и для освящения взять дьякона из Тюмени. К сей благословенной грамоте Великий Господин Преосвященный Павел Митрополит Тобольский и всея Сибири велел свою печать приложить». Грамота написана на грубой беловатой бумаге в виде столбца. Внизу красная восковая печать на красном же шнуре. На печати благословляющая рука и надпись: «Божиею милостию Павел Митрополит всея Сибири».

Наиболее важной заслугой игумена Исаака было укрепление Далматовского монастыря и обращение его в пограничную крепость для защи-

¹ Рукопись монастырская.

² Грамота хранится в монастырском архиве.

Вид на Далматовский монастырь со стороны Красного бастиона

ты окрестного населения. Выше уже упоминалось, что после первого башкирского бунта стараниями Далмата и Исаака была устроена прочная ограда в столбах; крепость снабжена пушками и пищальями. В последующие годы игумен Исаак построил существующую ныне каменную ограду. Вероятно, он же разбивал и план крепости, который приведен в исполнение под его руководством³. При нем же на монастырских землях вновь заселено пашенными крестьянами и бобылями боле 10 деревень. Так, по ревизии князя Солнцева-Засекина в 1722 году в вотчине Далматовского монастыря найдено 1309 крестьянских мужских душ, между тем в 1683 году в вотчине имелось лишь 70 дворов; таким образом, в указанный промежуток население вотчины увеличилось почти в 5 раз.

Затем монастырю удалось основать первое поселение и на границе киргизской степи, при впадении р. Уя в р. Тобол, где ныне стоит

³ Интересны цены работ и материалов, дошедшие до нас: за копанье рвов, за носку бута — глины и песку в 4 дня по 2 алтына 4 деньги; за возку камня за 3 подводы 3 алтына 2 деньги; за рубку дров по 1 алтыну за 10 сажень; за привоз извести с р. Синары за 1 подводу по 1 алтыну 2 деньги; за носку извести на стену к месту кладки 41 алтын и 1 деньга за 6 дней; за кладку кирпича по 11 алтын за 10 дней; за вывозку кирпича к месту постройки 4 деньги за 1000; за 1000 кирпича обожженного в сарае по 31 алтыну.

Заимка Далматовского монастыря

станция Устьуйская. Места были отведены по челобитной игумена Исаака с братиею для рыбных ловель и сенокошения в 1686 году. Таким образом, Далматовские монахи проникли в глубь киргизской степи почти на 60 лет ранее основания Неплюевым Оренбургской пограничной линии. Не лишен интереса архивный акт о заселении Устьуйского поселья. Привожу его целиком. «Лета 7194 (1686) июля в день по указу Великих Государей, Царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцев. — Память Царево-Городище⁴ приказнику Григорию Шарыгину. В нынешнем 194 году били челом Великим Государем Успенского монастыря старцы игумен Исаак с братиею, а в Тобольску, в приказной палате боярину и воеводам Алексею Петровичу Головину с товарищи, служебник их Парфенко Иванов подал челобитную, а в челобитной их написано: в нынешних де годах по Исеть реке облюдноло и поселилось городских слобод и иных жителей много, а по Исете реке рыба к ним доходит на мале, а озер и иных рыбных ловель к монастырю не прилегло и питаться им нечем. А есть де вверх

⁴ Так в старину назывался нынешний город Курган.

Тобола реки, выше Верхние слободы и Царева Кургану в днищах в четырех и больша река Уй, пала устьем в Тобол-реку и на усть тоя курьи и затоны, да ниже тоя река Уя есть источина, прошла луговая озерка и пала устьем в Тобол же реку, а по ней курьи и затоны, а около тех же речки и источины и луговые озерка: и Великие Государи пожаловали б их, велели на тех угодьях про свою нужду неводом, и как можно рыбу ловить, и для корму скотскова сена ставить. И как к тебе ея память придет, и ты б ехал из слободы Царева-Городища по челобитью Успенския обители Далматова монастыря старцев игумена Исаака с братиею про речку Уй и про озера и про рыбныя ловли но урочищам и про сенные покосы сыскал большим повальным обыском те рыбныя ловли и покосы порозжил, и не близко ль слобод, и те урочища описать и сенные покосы измерить и сколько далече от слободы Царева-Городища; а по сыску и по досмотру и по описи и по мере будет объявится порозже велеть теми рыбными ловлями и сенными покосы владеть но указу Великих Государей, а сыск и досмотр и описныя и мерныя книги прислать в Тобольск и о том писать боярину и воеводе Алексею Петровичу Головину с товарищи». За пользование угодьями монастырь платил ежегодно оброку «по 2 рубля по 8 алтын по 2 деньги». Эти угодья находились от Далматова монастыря на расстоянии около 300 верст. Для охраны рыбаков здесь было устроено небольшое укрепление: «за Исетью, вверх по Тоболу реке, на устье речке Уя, от монастыря езды дней шесть, построен дворец (ограда, укрепление), а во дворце изба». Смелый пример монахов углубления в киргизскую степь не остался без отклика: уже в следующем 1687 г. сюда, на Тобол, прибыли «Масленской слободы пашенные крестьяне Омелька Назаров да Ивашко Качесов с товарищи», которые сняли в аренду свободные рыбные ловли с платою «на съезжей избе Великих Государей в казну неводного оброку по четыре рублев по пяти алтын на год». Монастырское укрепление здесь было снабжено двумя пищальями и достаточным числом снарядов, что, однако, мало спасало русских смельчаков от набегов киргиз: десятки монахов поплатились здесь жизнью или попали в плен, вследствие чего для охраны промыслов высылались отряды от 20 до 80 вооруженных людей.

Далматовскому монастырю принадлежит также честь открытия в Исетском крае железной руды и устройства первого завода на левом берегу Исети, около устья Железенки (Каменки), в 80 вер. от монастыря, где ныне находится Каменский завод. «В 1682 году игумен Исаак изумляет Сибирь делом новым, которое в руках инока и потому уже

замечательно, что в стране сей начинали только что с ним знакомиться», говорит монастырская рукопись. «Наведавшись, что к источнику Исети в 70 в. от монастыря за Колчеданским острожком, в горах, при Железенке речке, хранятся толщи руды железной, игумен Исаак не упустил из виду находки, так дорогой и редкой. Боярина и Тобольскаго воеводу князя Алексея Андреевича Голицына челобитною убедил и по приказу его, Железенка речка с приисками руды в разных местах и земли, которые по обе стороны близ нее лежали до сих пор в пусте с угодьями и лесами Тобольским боярским сыном Федором Рукиным при старосте Колчеданского острога Обращке Аврамове 28 июня 1682 г. по смете руды железной и по досмотре лесных и чистых мест, болотных и кочешных, комечных мокров, и дикова камени, логов и бояраков отведены в Успенскую Исетскую пустыню Далматова монастыря, на таком пространстве, что касались к югу реки Исети, к западу речки Камышевки, к северу речки Белой, к востоку Ключа при Красной горе». Здесь было устроено поселье монастырское, — «дворец, а при нем изба». На это поселье водворялись, с разрешения игумена, люди «деловые», т.е. мастера, знающие рудоплавильное дело, умеющие добывать руду. Поселье готовило чугун, полосовое и расковочное железо, годное для изделий и пищальные ядра. Общий надзор как за деловыми людьми, так и за производством работ был поручен посельному старцу Питириму, который, по преданию, открыл здесь и руду. Для выплавки железа на поселье имелась доменная печь в два горна, — «домница плавить железо и при ней две печки, клещи кричные, кузница, наковальня да два больших и два малых молота». Этим посельем на р. Железенке монастырь владел до 1701 года, когда оно по обилию железных руд было принято в казенное ведомство под именем Каменского чугунно-плавильного завода, на котором уже через два года стали лить большого размера пушки.

Кроме Устьуйского и Железенского посельев, монастырь на вотчинном же праве заселил земли по р. Миасу, принадлежавшие Софийскому архиерейскому дому, — село Воскресенское. 21 июня 1684 г. здесь игумен Исаак и сын боярский Яков Фадеев «заложили град, коего стены с башнями вверх по Миясу реке в сорок две, подле озерко в тридцать полторы сажени». Постройка этого городка митрополитом Павлом была поручена Исааку, как человеку опытному и искусному в строительном деле. Для работ дано 34 человека бобылей и крестьян пашенных: «они и лес ронили и вывозили к реке Миясу, городовыя стены и башни рубили — не просто, а кверху

с развалами; они вершили и крыли башни по приличию — то драньем, то тесом с зубцами и не без украшений: оставляли в стенах ограды и башен где требовалось для пищалей и пушек бойницы». «Для опасения от приходу воровских воинских людей» в Воскресенский острог была прислана пушка медная в два аршина длины, а ядра к ней были отлиты на Железненском монастырском поселке «по трем деревянным образцам».

Со времени основания Далматовского монастыря быстро пошло заселение русскими Исетского края. С разрешения настоятеля каждому домохозяину на вотчинной монастырской земле отводился особый участок, который он обязан был обрабатывать на себя, со взносом в пользу монастыря пятого снопа со всякого урожая, причем за правильным поступлением условленного хлеба наблюдали монастырские пятинщики, которые еще в поле проверяли сжатый хлеб и высчитывали количество, принадлежащее монастырю. Каждый поселенец, желающий жить на монастырской земле, заключал условие (делал вечную запись), по которому ему давалось два года льготы от всяких поборов и монастырских работ. По истечении этого льготного времени условия вступали в силу и от вотчинника требовалось: «делать всякое монастырское сделье, ставить березовых весно-дельных дров по две сажени на год; в ограду, со всякой коровы давать по безмену масла летнего да ко Светлому Христову Воскресению по двадцати яиц с венца; никакого бунтовства или крамолы ни на старцев, ни меж своею братиею не поднимать, и никаким воровством не воровать и подвозных вин в дом к себе не принимать и самому вина не курить и зернью и карты не играть и с воровскими людьми не знаться». Таковы были условия, на которых принимались вотчинные крестьяне. В свою очередь и монастырь принимал на себя обязательства оказывать поселенцам известную помощь: «дать ссуды, лошадь по цене, а корову и овцу во отдачу до приплоду, аральники (плуги) и топоры, косы и серпы по ценам-же».

Охотников селиться на монастырской земле было много, так как монастырские крестьяне не платили казенных оброков, да и отношения монастыря к крестьянам были, без сомнения, более гуманными, нежели помещиков. На первых порах крестьяне охотно шли сюда и селились, между тем для заселения соседних слобод приходилось вызывать охотников; так, в Крутихинскую слободу основателю ее Семену Белошейкину, вследствие его челобитной, боярином и воеводою Прозоровским было позволено: «призывать в тое слободу в пашенные крестьяне и в беломестные казаки на денежный

оброк Тобольского, Тюменского, Верхотурского и Туринского уездов из слобод крестьянских детей и братьев и племянников от семей и не беглых людей, которые бежали в Сибирь из поморских городов после переписных книг стольника и писца Льва Поскочина и подлежали к высылке на старые их жилища, кто откуда бежал; беломестным казакам, которые живучи в той слободе будут служить Великим Государям не производить ни денежного, ни хлебного, ни соленого жалованья, а предоставить продовольствие только с одной пашни; особенной пашни крестьянам давать на один рубль с полтиною по пяти десятин в поле, а вдву потому ж, на двадцать на пять алтын по полтретьи десятины в поле, а вдву потому ж; на двадцать алтын на три деньги по десятине с четью в поле, а вдву потому ж, на шесть алтын на полторы деньги по полдесятине с получетью в поле, а вдву потому ж; а беломестным казакам за оклады земли давать по полутретьи десятины в поле, а вдву потому ж человеку; по беломестным казакам и крестьянам имать поручные записи с добрыми поруки, чтоб им крестьянам Великих Государей в казну годовой денежный оброк платить по всея годы сполна и никуды не бежать и никаким воровством не воровать, зернью и карты не играть, а жить в той слободе смирно и дворами строиться; уговориться, — кто учнет платить в казну Великих Государей денежного сбора полтора рубли и тем льготы давать на год, а кто учнет платить по двадцати по пяти алтын и тому льготы давать на полгода, а кто учнет платить по двадцати и меньше, и тому льготы давать по тому ж расчету. Не стеснять татар ясашных жить в той слободе от калмыцких воинских людей с береженьем, чтобы не только к слободе той, но и под города и под слободы безвестно войной не пришли и дурна какова не учинили, взимать таможенные пошлины с тутошних крестьян и беломестных казаков». Таковы условия, на которых устраивались государственные крестьяне XVII века.

Кроме всего этого, стараниями Далмата и Исаака вблизи Далматова монастыря была заведена женская обитель, главным образом для призрения старых и больных женщин. Впоследствии этот монастырь во избежание разных толков был переведен в село Верх-Течу.

Далматовский монастырь был поставлен во главе церковей всего Исетского края. Игумен Исаак был долгое время десятоначальником над церквами, а потом, с учреждением заказов (подобие духовных правлений), — заказчиком (начальником заказа).

Таким образом, Далматовский монастырь, благодаря трудам старца Далмата и особенно первого игумена Исаака обратился в госу-

дарственную крепость, стоящую на страже русского господства, сделался очагом русской колонизации и защитником русского населения, руководителем духовной жизни не только вотчинных крестьян, но и всего Исетского края. Далмат умер 24 июня 1697 года, а игумен Исаак в 1724 году.

Из значительных событий жизни монастыря в этот период следует упомянуть о грамоте царя Алексея Михайловича, которой подтверждены права монастыря на владение вотчинами. Грамота напечатана в материалах для статистики Российской Империи. Затем довольно любопытный документ представляет проезжая грамота царя Феодора Алексеевича 11 февраля 1682 года, данная строителю Никону для доставки в монастырь царских даров. Строитель Никон и черный поп Афанасий в 1679 году были посланы монастырем в Москву «бити челом Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексеевичу всея великия и малыя и белыя России Самодержцу о церковных потребах и монастырских нуждах». Челобитчики пробыли в Москве 3 года; Афанасий оставлен был крестовым монахом патриарха, а Никон вернулся со следующей проезжей грамотой: «От Царя и Великого Князя Феодора Алексеевича всея великия и малыя и белыя Руси Самодержца от Москвы по городам в Переяславль Залесский, в Ярославль, на Вологду, на Тотьму, на Устюг Великий, к Соливычегодской, в Кайгородок, к Соликамской и в Сибирские городы, на Верхотурье, окольничему нашему и стольнику и воеводам и дьяком нашим и всяким приказным людям: по нашему Великому Государю указу послано с Москвы в Сибирь Тобольскаго уезду в Исетской, в Успенской монастырь в Далматову пустынь нашего Государева жалованья — двенадцать книг, двои ризы, четыре стихаря, четыре поручи, две патрахели, два пояса, два уляра, колокол в двадцать пуд, сосуды церковные, кадило, три ведра церковного вина, да колокол в пуд: да покупных из монастырских потреб: два пуда ладану белаго, пять фунтов ладану роснаго, два пуда масла деревянного, пять фунтов слюды; два пуда пороху, две пищали, четь пуда олова, сто листов железа белаго, пять пуд укладу, пять сот гвоздья четвертного, пуд перцу, десять юфтей кож, пять сот аршин сукна манатейного, стопа бумаги пищей, тысяча кремения, Исетского Успенского монастыря с келарем Никоном, да с провожаемым с Тобольским пятидесятником с Матюшкою Княжево, да с ними ж монастырские служебники Спирька Анисимов, Федька Терентьев; и по нашему Великаго Государя указу в русских и сибирских городах окольничему нашему и стольнику и воеводою и дьяком нашим

и всяким приказным людям Исетскаго Успенскаго монастыря келаря Никона и пятидесятника Матюшку Княжево и монастырских служебников с тем нашим Великому Государю жалованьем и с покупными их монастырскими потребы пропускати и подводы по московским подорожным им давати везде без задержания. Писан в Москве лета 7190 (1682) февраля в 11 день. Утвердили Дьяк Семен Румянцев; справил Васька Романов». У подлинной печать царя Феодора Алексеевича.

Кстати, говоря о подарках царя, не лишне сказать о выдающейся личности черного попа Афанасия, отправленного в Москву с челобитною. Уроженец города Тюмени, из служилых казаков, Афанасий своею начитанностью, приверженностью к православию обратил на себя внимание сначала митрополита тобольского Корнилия, который рукоположил его в пресвитеры и вскоре отправил игуменом в Далматов монастырь, где он пробыл с 1675 г. по 1679-й. Затем Афанасий поехал с челобитною в Москву, где обратил на себя внимание патриарха Иоакима, который оставил его крестовым иеромонахом, а в 1682 году хиротонисал в Москве в сан архиепископа Холмогорского и Важеского на только что открытую кафедру. Особенно Афанасий прославился в состязаниях с раскольниками на известном Московском соборе, на котором, по сказанию монастырской летописи, протопоп Аввакум, не осилив в состязании и будучи поруган, ударил его камнем в лицо (заградил уста). Довольно любопытен указ митрополита Корнилия, данный Афанасию при назначении его на должность Далматовского

Портрет Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важеского

игумена и определенно указывающий обязанности его по отношению к крестьянам: «Лета 7183 (1675 г.) генваря в 20 день Великаго Господина Преосвященнейшаго Корнилия Митрополита Тобольско-го и всея Сибири указная память (предписание) Игумену Афанасию. Ехать бы тебе по нашему Великаго Господина указу из Тобольска на Исеть в Успенский монастырь и приехав у строителя старца Никона с братьею принять монастырь и в монастыре церкви и в церквах Божие Милосердие, образы местные, окладные и без окладов, с камнем и жемчуги и со всякими приклады и перед образы свечи, поставные и лампы и налепы и деисусы, и кадила и паникадила, и книги и ризы и сосуды серебряные и медные и всякую церковную утварь, и на колокольнице колокола, и в казне деньги и золотые и жемчуг и суды серебряные и медные и оловянные и платье и оружие и всякую казенную рухлядь: а приняв всякую казенную рухлядь и церковную утварь учинить книги, да те книги за братскими руками прислать к нам, Великому Господину в Тобольск и о том отписать и отписку и книги велеть подать на Софийском дворе в нашем Святительском судном приказе, приказному нашему Якову Бязеву; да тебе же бы Игумену Афанасию с строителем старцем Никоном ведати пашенных крестьян и оброчных бобылей и меж ими во всем по суду и по сыску указ чинить и за всякие вины и за непослушание смирать кто чего достоин будет, а кому пашенным крестьянам и оброчным бобылем случиться об чем бити челом о каких нуждах и они бы били челом тебе игумену Афанасию и строителю Никону с братьею и им, крестьянам и оброчным бобылем велеть всякие сделья делать против знаменского и иных монастырей безо всякого послушания, а буде которые крестьяне и бобыли в чем будут непослушны, и вам бы за непослушание и за всякие вины смирать же по рассмотрению, а о всяком деле спрашивать Вам старца Далмата, да и к нам великому Господину обо всяких делах писать».

После игумена Афанасия осталась в монастыре шелковая псалтырь, переписанная лично им, когда он был епископом, а также грамота, при которой он препроводил «от щедрот своих» в дар монастырю на память о себе для построения каменной церкви. Вот эта грамота (в выдержках): «Преосвященный Афанасий, милостью Божиею Архиепископ Холмогорский и Важеский, святые честнейшия обители Пресвятыя Владычицы Наша Богородицы и Приснодевы Марии честнаго и славнаго Успения ея, нашего обещания, нарицаемы Далматовы, яже в Сибирстей стране, на Исети реке, сияющая духовному настоятелю преподобно-игумену Исааку и всей еже во Христе совоку-

пленной братии, работающим ему усердно мир и благословение наше буди во веки. Ведая вемы достоверно яко Божим изволением предстательства ради Пресвятыя Богородицы она честная обитель, основанная на слезах преподобного старца нашего Далмата, жительством монашествующих распространяется и церковным и монастырским и всяким строением от силы в силу успевает, и Царскаго Величества Благочестивейших наших Великих Государей милостивым призрением и жалованьем и вотчинами и всякими угождями по премногу снабжены... Мы ж Преосвященный Архиепископ, ради той Святой Успенской Далматовы обители духовного нашего порождения попечения имеем и усердствуем в ней во всем к лучшему производится: сего ради послахом к вам от келейного нашего избытка денег несколько рублей — строить теми деньгами недостаточное церковное и келейное и прочих монастырских служб строение...».

Башкирский бунт

1736-1737 гг.

Едва монастырь устроился и укрепился каменными стенами, как вспыхнул новый башкирский бунт, вызванный устройством русскими Закамской линии, а затем и Верхояицкой крепости. Волнение между башкирами стало замечаться еще в 1732 году, но в открытое возмущение пока не выливалось, хотя борьба продолжалась беспрерывно: башкиры вредили везде, где только могли и чем могли. Неприязненные действия их вызвали большую бдительность и осторожность со стороны русских властей, так как не были еще забыты порубежным русским населением два предыдущих бунта. Поэтому немедленно было приступлено к более прочному укреплению городков и острожков; между прочим, особенное внимание было обращено на укрепление и усиление Далматовского монастыря, как главного стратегического пункта в Исетском крае, в сердце восточно-уральской Башкирии. Часть монастырской ограды не была еще вполне закончена, почему летом 1733 г. начались усиленные работы за счет казны: почти все пашенные крестьяне были собраны на работы по укреплению монастыря. Для большей предосторожности вокруг стен были поставлены рогатки с надолбами. Соседняя Служная слобода, переименованная в Николаевскую (теперь г. Далматов),

тоже спешно укреплялась, вокруг нее от самых монастырских стен устраивался заплот в столбах из хорошего соснового леса. В то же время настоятелем монастыря, по требованию Шадринской канцелярии, был произведен осмотр монастырского оружия и военных снарядов, которых оказалось на лицо: пушечных ядер 2053, свинцу 2 пуда, пороху крупного 3 пуда и мелкого ружейного 3 пуда. В конце 1732 г. получилось известие, что вблизи Царева-Городища (г. Курган) собирается огромное войско киргиз-кайсацкой орды, числом до 40 т., с намерением сделать набег на русские селения. Слухи эти не оправдались; но в апреле 1733 г. киргизами был разграблен монастырский дворец на устье Уя, причем убито несколько человек.

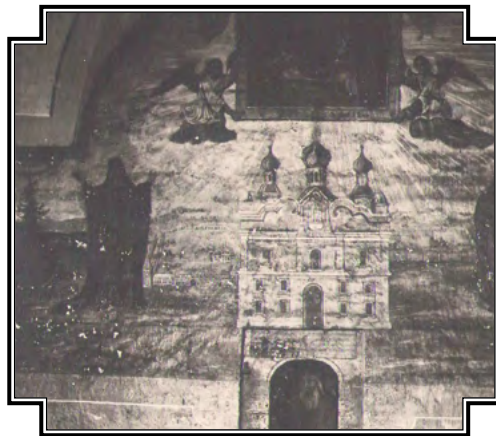
Для предотвращения грозящей опасности от вторжения киргиз и башкирского бунта, из Тобольска были двинуты на Исеть два драгунских и два пехотных полка, а также и отряд казаков; войска были разделены на отряды и размещены в Исетской провинции, где опорным пунктом был Далматов.

Но прежде, чем военные команды заняли назначенные им места, башкиры ворвались в монастырскую вотчину и напали на отдаленные от монастыря деревни, причем выжгли Морозову, Карпушину и Ложечный бор, шесть других деревень разграбили, хлеба и другие запасы выжгли, весь скот захватили и угнали в Башкирию. Общий убыток разгромленных вотчинных крестьян, по обследованию, был определен в 1204 руб. 50 коп., — суммой по тому времени довольно крупной. Самое население едва спаслось от плена: при первом появлении башкир, жители побросали свои пожитки и разбежались в лесную чащу, где и укрылись на первое время; а затем монастырь и соседняя слобода наполнились несчастными беглецами, прибежавшими сюда из лесов искать защиты. Броситься на укрепленный монастырь башкиры не решились, а, обойдя его, рассыпались по всему Исетскому краю. Катайский острог, снабженный пушками, едва отбилсся; но зато весь обывательский скот был захвачен бунтовщиками и угнан; совершенно разгромлены и выжжены были почти все ближайшие селения — Уксянское, Пески, Шипицина и др.

Шайки башкир бродили по всему краю. Единственным убежищем для русского населения в это время был Далматовский монастырь и служная Николаевская слобода, находящаяся у самых стен монастыря, под защитой его артиллерии. Каждый день прибегали новые и новые толпы беглецов искать спасения в монастыре; но и пробраться в него было довольно трудно, так как все дороги и проходы были

заняты воровскими шайками, — короче сказать, путь к монастырю и из него был совершенно отрезан, так что несчастным приходилось пробираться только одною дорогой, — по непроходимой лесной чаще. Все беглецы поступали сразу на пищу монастырскую, так как никто, конечно, припасов принести не мог. Монастырь кормил тысячную толпу и охранял ее до тех пор, пока мятежные шайки не были разбиты правительственными войсками. Тревожное и тяжелое для монастыря время продолжалось около двух месяцев, и во все это время монастырь был оцеплен башкирскими шайками, которые, боясь подступать на близкое расстояние к хорошо укрепленной крепости, закрыли все пути к ней, отрезав от всего мира. Бывший в то время архимандрит Порфирий через лазутчика доносил митрополиту: «сидим мы яко в осаде; понеже выезжать никуда невозможно: везде по дорогам людей колют». Прибывшим войскам монастырь оказывал весьма деятельную помощь, чем только мог: и провизией, и военными припасами, и конными подводами для быстрого передвижения солдат.

Башкирский бунт 1736–37 гг. был последним особенно гибельным для Исетского края и монастыря: усмирённые и наказанные хищники уже не пытались после поднимать восстание; край постепенно успокаивался; разгромленные деревни обстроились. Всё приняло мирный характер, как вдруг через 40 лет Далматовскому монастырю снова пришлось выступить на сцену исторической жизни и вновь послужить отечеству.

Дубинщина

Под именем «Дубинщины» известно волнение вотчинных монастырских крестьян, вызванное учреждением духовных штатов в 1762 году, по которым крестьяне были освобождены от кабальной зависимости монастыря и переданы, на основании указа Императора Петра III от 16 февраля 1762 г. за № 36, в ведение Государственной коллегии экономии, как казенные.

Прежде чем приступить к описанию этого возмущения, сделаем краткий обзор отношения крестьян к монастырю в предшествовавшую эпоху со дня возникновения пашенных поселений. Выше уже были приведены выдержки из условий, на которых принимались крестьяне и бобыли в монастырскую вотчину, где они обязывались исполнять для монастыря «всякое сделье». С течением времени кабальная зависимость усилилась, как и везде в XVII столетии. Крестьяне совершенно потеряли свободный облик и сделались вполне крепостными, зависевшими от монастыря (игумена и братии). Так, в приведенной «памяти» митрополита Корнилия на имя игумена Афанасия уже определенно указано: «Ведати пашенных крестьян и оброчных бобылей и меж ими во всем по суду и сыску указ чинить и за всякие вины и за непослушание смирать»... Следовательно, главным начальником над крестьянами был игумен, которому и были предоставлены права господина. Как служитель церкви, игумен, конечно, в силу своего звания, не мог быть слишком суровым, но, между прочим, архив сохранил многие челобитные крестьян, в которых они жаловались на притеснения игуменов и старцев.

Особенно строгим и строптивым был упомянутый выше строитель, старец Никон. Летописец говорит, что «в Тобольск к первосвятителю то от строителя, то на строителя идут только что челобитные, как будто ни в монастыре, ни в вотчине нельзя иначе водворить тишину, идут и вершатся там по большей части ни к чести строителя». Приведу довольно характерный случай. Поп Служной слободы Терентий по оговору Никона был подвергнут штрафу за потачку своему сыну Даниле ловить рыбу в р. Крутихе, и Данила был «бит плетьюми»; по расследовании же оказалось, что речка Крутиха еще не принадлежит монастырю. На челобитную Никона, что служители «сделались непокорны, озорничают, бесчинствуют даже в стенах обители, произносят угрозы на старца Никона» и т.д., отвечено, что виною всему самоуправство старца и чтоб он впредь «обиды не чинил, а писал бы буде в чем учиняться сильны и непослушны или станут каким воровством воровать». Не признавал Никон и вкладных записей, по которым были приняты вкладчики на монастырское содержание, внесшие за это деньги или заслужившие право на это работою. Он считал вкладные грамоты воровскими (подложными) и не позволял жить по ним ни в вотчине, ни в монастыре. В Тобольске же вкладные записи были признаны правильными и вкладчикам по-прежнему разрешено жить в отчине, а Никону указано быть в жестком смирении и в пени, если о таких делах и впредь будет от кого на него челобитная. В августе 1674 г. снова была подана челобитная уже ото всех пашенных крестьян, в которой они жаловались, что строитель Никон «чинит им утеснение и обиды, растратил и денежную казну монастырскую». Доносчики и Никон были вызваны в Тобольск для очной ставки в судном архиерейском приказе. Следствием всего этого было то, что в монастырь был послан игуменом иеромонах Афанасий, человек просвещенный и преданный своему иноческому подвигу. Однако Никон все же не был удален из монастыря, хотя и смещен из строителей. Через 3 года мы снова видим его посланным в Москву ходатайствовать пред Царем о монастырских нуждах вместе с игуменом Афанасием. В указе митрополита Корнилия сказано: «Никону впредь в строителях быть не велеть потому, будучи он в строителях в монастырской казне чинил хитрость большую и всякие дела делал без братского ведома и вкладчикам и бобылям и крестьянам налоги и обиды чинил». Возвращение Никона в монастырь было встречено не особенно сочувственно крестьянами. Из монастырских записей видно, что вскоре на него было произведено нападение крестьянами, которые изранили его. Снова

пришлось ехать в Тобольск на очную ставку, причем виновники были наказаны по мере вины, а главному зачинщику крестьянину Спирьке, «который ножом резал Никона, учинено градское наказание: бит кнутом». Все крестьяне были возвращены обратно в вотчину, чтобы «быть им за монастырем по-прежнему и ни в чем их здесь не изгонять и натуги и обиды не чинить и зла им никакова мести прежней грубости не помнить». Не обошлось при этом без челобитной и на игумена Исаака, который был обвинен крестьянами также в притеснениях пользоваться монастырскими угодьями.

Достаточно пока этих указаний, чтобы выяснить жизнь до указа 1762 г. монастырских крестьян, любовно договорившихся с монастырем. Сохранилась от того времени одна из кабальных записей, по которым принимались крестьяне в вотчину. Привожу этот довольно оригинальный документ полностью. «Се аз Антон Еремеев урождением Важенин порядилс я есма на Исеть реке в обители Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения и святаго славнаго Апостола и евангелиста Иоанна Богослова и Преподобнаго Отца нашего Димитрия иже на Прилуцах, Вологодскаго Чудотворца, при игумене Исааке, еже о Христе с братиею — жити мне Антону у них старцев на их вотчинной земле с женою и детьми своими вечно без выезду; а дали они старцы — игумен Исаак с братиею, на два года льготы с 203 июля с 11 числа до 205 году токового же числа, а после тех двух льготных годов делать мне, Антону, всякое монастырское здилье, ставить березовых веснодильных дров по две сажени в год, а ставить дров во вся году в ограду, да со всякой коровы давать по безмену масла льняного, да Светлому Христову Воскресению по 20 яиц с винца, да со всякого хлеба после тех двух льготных годов выделять пятым снопом; а тот выделенный хлеб измолотить мне, Антону, привести в ограду в житницу, а охоботье и мякину во дворец, да ему ж игумену Исааку с братиею, дать мне, Антону, ссуду лошадь по цене, и корову и овцу во отдачу до приплоду, аральники и топоры, косы и серпы по цене ж, а жити мне Антонуу них старцев игумена Исаака с братиею, никакова бунтовства и крамолы на их старцев и меж своею братиею не поднимать и никаким воровством не воровать, и подвозных вин к себе не принимать, и самому вина не курить и зернью и карты не играть и с воровскими людьми не знаться. А буде я Антон, стану на их, старцев — Игумена Исаака с братиею какое бунтовство и крамолу поднимать и меж своею братиею, или каким воровством воровать и подвозная вина в дом к себе принимать, или стану сам вино курить и зернью и карты играть

и с воровскими людьми знаться, и за то мое воровство и непостоянство им, — игумену Исааку с братиею меня Атона смирать своим монастырским смирением, а мне не противиться: в том им старцам и вечную запись дал и на себя и на детей своих: на то послух (свидетель) Николаевский пономарь Ферапонт Иванов. Запись писал по Антонову велению Николаевский дьячек Филатко Иовлев — 1695 г. июля в 11 день. К сей подлинной записи вместо Атона Еремева, по его велению, Николаевский поп Стефан Яковлев руку приложил; послух — Ферапонко Иванов руку приложил». Это образец кабальной записи, по которой крестьяне селились в вотчине монастыря. Кроме определенного количества перечисленных продуктов, подлежащих доставлению в монастырь, в записи имеется один довольно важный пункт, по которому вотчинник обязуется «делать всякое монастырское здилье». Вследствие этого крестьяне становились всегда дворовыми работниками монастыря, исполняли всевозможные работы в монастыре. Каждую весну все мужское население вотчинных крестьян отправлялось в лес и заготавливало дрова по 2 сажени с лука, т. е. с рабочей души от 16 до 60 лет, а затем заготовленные дрова на своих же лошадях вывозило в монастырь. На их же обязанности лежало исправление мельничных плотин и других хозяйственных построек монастыря. Кроме доставления общего пятого снопа со своего урожая, крестьяне обрабатывали еще и монастырские посеы по полудесятине с каждого лука, засеая ее монастырскими семенами. Для жатвы монастырского хлеба в страду наряжались крестьяне же по 4 лука (души) на одну десятину, убирали, молотили сжатый хлеб тоже своими руками, так как монахи совершенно ничего не работали, а наемных рабочих, вследствие значительного количества даровых работников, не держали. Зима тоже не проходила без монастырского «зделья»: кабальные рубили и возили лес, ухаживали за скотом; они же варили для монастыря пиво и квас; часть крестьян отправлялась и на рыбные промыслы на р. Уй и Тобол, а также на Исети; их же посылали и в извоз в Кунгур и Ирбит с рыбою и другими продуктами, на Уральские заводы с хлебом и в Тобольск с припасами для митрополичьего дома. Так, напр., в 1730 г. было отправлено в Тобольск «200 пирожков постных с черемухою и горохом, 100 постных витушек, 200 скоромных пирожков, 200 скоромных калачиков, 5 кулей муки пшеничной, 2 мешка гороха, 100 шматков коровьего масла, 500 щук, 200 линей, 15 пудов хмелю». Затем вотчинные крестьяне наряжались на разные работы по распоряжению начальства; так, они строили бревенчатую ограду и башни Воскресенского

ostroга, Христорождественский собор в Челябинске, каменную ограду Верхотурского монастыря и пр. Наконец, все вотчинные крестьяне платили еще подать в казну с каждого двора по количеству занимаемой земли, причем дворы были разделены на три категории: по 2 рубля, по 30 и по 27 алтын. Много налогов было чисто временного характера, например, на жалованье ямщикам по 2 алтына, на прорытие Ладожского канала по 6 алтын 4 деньги, на армейские полки по 5 алтын по полпята деньги, на починку кораблей по 4 алтына 1 деньги и т. д.

Таково было в общих чертах положение монастырских крестьян до 1762 года, т. е. до утверждения монастырских штатов. Указом Императора Петра III от 16 февраля 1762 г. вотчинное право было прекращено, и вотчинная земля вместе с крестьянами перешла в ведение казны, т. е. вновь учрежденной Коллегии Экономии. Но вскоре последовала смерть Имп. Петра III. Дело перехода монастырских крестьян в казну остановилось, так как манифестом Императрицы Екатерины II от 12 августа 1762 г. всем монастырям было снова возвращено управление вотчинными землями впредь до учреждения комиссии и пересмотра штатов. Вот это-то обстоятельство и послужило поводом к возмущению монастырских крестьян, известному под именем «Дубинщины». Такое название крестьянскому бунту было дано потому, что восставшие были вооружены преимущественно дубинами.

Весною 1762 года, после обнародования указа Петра III, крестьяне наотрез отказались исполнять монастырские работы, так как становились уже свободными, государственными. Но в сентябре был объявлен указ Имп. Екатерины II, снова подтверждающий прежнее положение. В силу этого указа монастырь потребовал от крестьян исполнения всех обязательств, как было раньше. Но этому указу крестьяне не поверили, подозревая в нем обман, решили действовать пока легальным путем. Поэтому была послана в Исетскую провинциальную канцелярию жалоба, что, вопреки указа Имп. Петра III, из монастыря послано 5 рассыльных, которые наряжают крестьян на монастырскую работу по-прежнему, не подчиняющихся же такому распоряжению садят под караул. Но эта челобитная не принесла успокоения: данному разъяснению крестьяне не поверили и порешили, что монастырь подкупил взятками Исетского воеводу Ермолова. Брожение становилось опасным и готово было вылиться в открытый бунт, чему особенно много способствовали различные ссыльные, которыми тогда был наполнен Исетский край, считавшийся Сибирью. Они разжигали страсти,

распуская нелепые слухи. К тому же и сами крестьяне были убеждены в несправедливых требованиях монастыря и провинциального воеводы, так как в новый указ никто из них не верил.

8 октября 1762 года монастырь донес провинциальной канцелярии, что крестьяне решительно отказались исполнять работы: не исправляют?невских казенных овинов, не строят новых вместо сгоревших в Теченской слободе, не починяют мельничных прудов и не принимают описанного монастырского скота. Вследствие этого канцелярия при мемории (предписании) от 10 октября прислала «6 рассыльщиков» — ?дать, но и эта мера не помогла. 18 октября монастырь снова доносит, что крестьяне не исполняют лежащих на них повинностей, оказывают сопротивление властям и даже бьют посланных солдат. В декабре месяце игумен доносил, что крестьяне «испоганивают казенные дома», не идут в неводах, отправленных для рыбной ловли с братиею; за монастырским скотом не ухаживают, сена коровам и лошадям не дают, почему скот валится с голоду. Из монастырского Песчанского поселья отправилось несколько крестьян в Кондинский монастырь, чтобы справиться у тамошних жителей о положении дела, т. е. работают ли они на монастырь по-прежнему или отказались. Создавалось довольно тяжелое положение как для самого монастыря, так и для крестьян: первый, в силу последнего указа, требовал выполнения всех монастырских работ, как было раньше, вторые искренно были убеждены, что они освобождены от власти монастыря и что новые требования предъявляют к ним только потому, что монастырем подкуплен провинциальный воевода. Наконец, был получен из Исетской канцелярии указ от 8 января 1763 г., в котором сообщалось, что, по распоряжению свыше, указом от 4 декабря 1762 г. разрешено всех крестьян освободить от натуральной вотчинной повинности и заменить ее денежным окладом по одному рублю с рабочей души в год, помимо государственных налогов, в чем крестьяне должны были выдать подписки. Объявить указ был послан Шадринский управитель Выходцев, которому не удалось убедить монастырское население, а лишь посеять новое недоверие к такому распоряжению. Вместо денег разрешено было брать дрова и сено по следующему расчету: сажень дров 15 коп., а пуд сена 3 коп. Для сбора этого налога, по распоряжению Исетской канцелярии, были назначены посельные монахи — по одному в каждое поселье, а в помощь им даны по два солдата. Несмотря на упорство, удалось собрать весь рублевый оклад в марте 1763 г., при помощи воинской команды сотника Анкудинова, причем

наиболее упорные из крестьян были взяты под стражу и отправлены в Оренбург. 15 марта солдат Крохалев был послан наряжать крестьян колоть лед для монастырских погребов; но его схватили и сильно избили в мирской избе. Едва вырвался солдат и скрылся в доме учителя монастырской школы дьякона Кривицкого, как толпа бросилась за беглецом с намерением убить его. Только заступничество дьякона спасло солдата.

Мятеж продолжался всю зиму. С наступлением лета вспыхнуло открытое восстание. Огромные толпы возмущившихся крестьян, вооруженных дубинами и ножами, расположились по всем дорогам и совершенно отрезали монастырь. 15 июня 1763 года толпа этих крестьян в 200 человек заняла Шадринскую дорогу около речки Суварыша, а 500 человек захватили Челябинскую дорогу на высоком увале близ деревни Затечи, откуда наблюдали за монастырем. Эта осада продолжалась все лето и осень и принесла огромный вред как монастырю, так и самим крестьянам. Восстание охватило все вотчинные деревни, почему полевые работы почти не производились; монастырь же в течение этого времени вынужден был существовать только теми запасами, какие в нем были заготовлены в 1762 г.: окрестное население даже не пропускало никого из чужих с провизией до тех пор, пока не прибыли воинские части. Для усмирения крестьянского мятежа были присланы из Тобольска подполковник Абарин с Азовским драгунским полком и поручик Телепнев с отрядом, причем, по свидетельству протоиерея Гр. Плотникова, было казнено 167 человек главных крамольников.

Пугачевский бунт

Прошло десять лет после «Дубинщины». Вотчинные крестьяне, переданные ведению Государственной Коллегии, мало по малу успокоились; отношения между ними и монастырем пришли в норму, старое постепенно забывалось и казалось, что монастырь пережил все невзгоды, как вдруг весь край потряс новый кошмарный бунт, известный в истории под именем Пугачевского, охвативший всю северо-восточную окраину России и перекинувшийся на Уральский хребет. Снова монастырю пришлось выступить на сцену исторической жизни и встать стражем на защиту Самодержавия и целостности государства. Главные удары пугачевцев в Зауралье были направлены на Далматовский монастырь, представлявший довольно сильную крепость, где можно было засесть мятежникам в случае неудачи. К тому же, монастырь привлекал их своими богатствами, а небольшое количество монахов не могло оказать упорного сопротивления, почему захват монастыря казался делом легким, тем более, что среди окрестных крестьян, участников прежней «Дубинщины», было очень много недовольных, стоявших на стороне мятежников. Окрестным же раскольникам старый монастырь как столп

Красный бастион
Далматовского
монастыря

православия, был давно ненавистен. Вследствие всего этого, для пугачевцев овладение монастырем было более, чем желательным и вполне возможным, но на деле вышло иначе.

Зимой 1773–74 г. вся Исетская провинция была охвачена мятежом: сообщники Пугачева собрали здесь огромные шайки. В январе 1774 г., когда сам Пугачев безуспешно осаждал Оренбург, огромная толпа мятежников осадила Челябинск. В это время правительственные войска двинулись сюда уже со всех сторон. В Исетскую провинцию к осажденному Челябинску шел сибирский генерал Деколонт со значительным отрядом войск, собранных на Сибирской и частью Оренбургской пограничных линиях, к Оренбургу двигались полевые войска из России. Безуспешная осада Оренбурга и приближение войск побудили мятежников обеспечить себе тыл более прочною защитой, более укрепленным пунктом, в котором можно бы засесть и собрать свои разрозненные и разбросанные силы. Таким наиболее удобным пунктом был избран Далматовский монастырь, хорошо укрепленный высокими каменными стенами, с высокими прочными каменными башнями и вооруженный пушками.

В начале февраля толпа мятежников в количестве 300 человек, под начальством пугачевских есаулов Тараканова, Пестерева и сотника Бушуева, двинулась к Далматову монастырю. Все попутные села, — Песчанское, Теченское, Бродокалмакское и др., — были выжжены и разграблены. Народ в ужасе разбежался и в значительной степени увеличил собою шайку пугачевцев. Однако среди волновавшихся крестьян Исетской провинции было очень много верных Государыне; для них единственным верным убежищем был Далматовский монастырь, куда они и бежали. Наконец, 11 февраля огромная толпа мятежников, возросшая уже до 1500 человек, подошла к селу Николаевскому (ныне г. Далматов), зажгла два крестьянских овина, но, встреченная приверженцами порядка, разбегаясь по домам обывателей. В два часа дня шайка мятежников во главе с есаулами, украшенными белыми перевязями, двинулась к стенам монастыря и повела правильную осаду. Непрекращавшийся набатный звон с монастырской церкви, вестовой пушечный выстрел с угловой башни дали знать защитникам, что враг близок и идет штурмом. Только одни крепкие стены да пушки могли спасти монастырь, так как число защитников было очень невелико. Кроме монахов, находилось здесь 10 человек солдат, составлявших охрану казначея, 373 человека беглецов-прихожан с женами и детьми, да 20 человек казаков. Зато монастырь имел

16 пушек, 80 ружей и большие запасы ядер, пороха и свинца. Однако, как ни крепки были стены, как ни хорошо был вооружен монастырь, но спасти его могла только стойкость и храбрость горсти защитников, так как численный перевес был на стороне врага: на одного защитника приходилось почти 5 человек мятежников, а против 16 монастырских пушек мятежники выдвинули 15 своих, захваченных ими в разгромленных крепостях и острогах.

Весь день 12 февраля до полночи гремела артиллерийская канонада, с обеих сторон рокотала ружейная перестрелка из-за зубцов и нижних бойниц монастырских; ахали чугунные и медные пушки с монастырских башен и особенно с недостроенной северо-восточной, известной под именем «красного бастиона»; монастырь окутался густым пороховым дымом; гремели пушки мятежников, чугунные ядра в нескольких местах исковыряли высокую стену, но защитникам вреда не причиняли. Следы ядер и до сего времени видны на белой монастырской стене. Первая попытка взять монастырь штурмом была героически отбита доблестными защитниками; но мятежники не хотели отступать. 14 февраля снова загремела канонада; толпа пугачевцев стала готовиться к штурму, но опять вынуждена была отступить к Николаевской слободе, не причинив монастырю никакого вреда. Видя, что открытым штурмом ничего не сделать, пугачевцы решили взять непокорных измором и повели настоящую правильную осаду, которая продолжалась 20 дней.

Не падали духом защитники монастыря и решили лучше умереть с оружием в руках, чем позорною смертью на виселице. Во главе их встал секунд-майор Заворотный, главным и незаменимым помощником которого был иеромонах Вонифатий. Эти два доблестных мужа влили отвагу в нестройную необученную толпу крестьян, воодушевили их словом и личным примером. Около 200 человек крамольников полегло под стенами монастыря, но прибывали новые толпы и опасность для защитников с каждым днем увеличивалась, — тем более, что и запас пушечных снарядов приходил к концу. 1 марта осажденные увидели густой дым вниз по Исети; вскоре густые толпы новых мятежников показались со стороны Шадринска. На колокольне расположенного рядом с монастырем села Никольского раздался набат: мятежники собирали свои толпы. К удивлению осажденных, ожидавших нового штурма, — пугачевцы бросились из слободы к селу Теченскому по Челябинской дороге. Осада была снята и бунтовщики бежали.

Такое неожиданное поспешное бегство осаждающих объяснялось следующими обстоятельствами. 9 января 1774 года генерал Деколонт с сибирскими войсками, очистив от мятежных шаек город Челябинск, выступил отсюда к Екатеринбургу. Но он пошел не прямою дорогой, так как не надеялся на свои незначительные силы, а направились на Шадринск. Отступление правительственных войск к Шадринску ободрило мятежников: воспользовавшись этим, они проникли в Сибирскую губернию прежде прихода войск Деколонта и постарались поднять здесь восстание, так что генералу пришлось идти уже по местности, охваченной мятежом, что отчасти и замедлило усмирение. В Шадринске Деколонт проявил ту же нерешительность действий: вместо того, чтобы гнать неприятеля непрерывно, он остановился в городе и предпринимал только небольшие вылазки против мятежников, рассыпавшихся шайками в Исетском крае. Одна из таких вылазок и была принята мятежниками за настоящий поход на выручку осажденного Далматовского монастыря, вызвала панику среди осаждавших и неожиданный побег от стен монастыря.

Осажденные монастырцы, видя замешательство среди мятежников и начавшееся отступление, ударили со всех своих пяти бастионов и башен картечью и беспрерывно осыпали ею врагов; с паркетов из-за зубцов гремела ружейная пальба, а под грохот пушек и трескотню ружей партия монастырских смельчаков в 40 человек вышла из-за стен и дружно ударила на бегущего неприятеля. Вылазка удалцов была очень удачна: «немало злодеев побито, до смерти ранено, а живых больше 40 человек приведено в монастырь, причем от злодеев отбита одна трехфунтовая пушка и три мортиры». В монастыре существует предание, что картечь почти вся была расстреляна в предыдущие штурмы, так что в этот день оставалось лишь несколько снарядов. Когда и они были расстреляны, Вонифатий приказал зарядить пушки горохом и крикнул с бастиона: «валяй, братцы, горохом — по гороховому войску!» Так закончилась эта последняя кровавая эпопея, в которой монастырю суждено было сыграть выдающуюся роль верного стража самодержавия и законности. Среди бунтующего населения только один монастырь остался верным правительству и безбоязненно принял на себя удары мятежников, собрав в своих стенах преданных Престолу сельчан, чем спас их от неистовства разнузданной толпы, озверевшей от крови и грабежа.

Заканчивая описание исторической миссии монастыря как оплота закона и защитника русского дела в Исетском крае, не лишним считаю

привести «ведомость о имеющейся в Далматовом монастыре артиллерии с разными припасами, учиненная в Далматовском монастырском правлении 1775 г. августа 3 дня»¹, убеждающая в том, что монастырь, помимо своего религиозного назначения, был вместе с тем и порубежной русской крепостью.

Пушек чугунных трехфунтовых на бастионах:	Число пушек и разных снарядов	При вылитии вес назначен	
		Пуд	Фунт
1-м северо-западном: первая	1	24	—
вторая	1	24	—
2-м северо-западном: первая	1	24	—
вторая	1	18	—
третья	1	17	—
3-м полуденно-восточном	1	22	—
4-м полуденно-восточном	1	17	—
Посреди ограды против полуденных ворот большая 20 фунтов	1	120	—
Трехфунтовая	1	17	—
В цейхгаузе на время в приличные места поставляемых: фунтовых	2	—	—
полфунтовых	2	—	—
трехфунтовых	1	—	—
Завоеванных монастырскими служите- лями и работниками несколько и села Николаевского из крестьян в вышепи- санном 1774 г. от содержавшей мона- стырь в блокаде Пугачевской толпы, старой препорции:			
трехфунтовых	2	—	—
на чугунных колесах	1	—	—
мортира большая	1	—	—
мортириц маленьких	2	—	—

¹ Гр. Плотников. «Пермские Епар. Вед.» 1869 г., стр. 78.

Бомб, метанных из оных мартир от злодеев внутрь монастыря, но падавших без всякого действия: больших	2	—	—
малых.	1	—	—
Прежних лет артиллерия разобрана, на вновь сделанных лафетах по бастионам расставлена, коею и отпор чиним был в нападение злодейских пугачевских толп в 1774 г., чем обитель и в ней пребывающие в Бозе защищены.			
К вышеписанной артиллерии снаряду:			
Пороху.	—	12	15 ¹ / ₂
Свинцу	—	9	18
Ядер чугунных разных мер. . . .	2542	—	—
Картеч двух сортов	1630	—	—
Картузов с ядрами.	182	—	—
Картузов с картечами чугуна . . .	152	—	—
Холостых зарядов	23	—	—
Банников	9	—	—
Палительных свеч	37	—	—
Палительных трубок	130	—	—
Ружей, бывших при отражении неприятеля.	92	—	—
Выпалено снарядов во время осады	241	—	—

Прежних лет бывшими настоятелями приготовленной для отпору злодеев и частовременно бунтовавших близ кочующих башкирцев и киргизов артиллерии.

Просветительная деятельность монастыря

Помимо своей исторической миссии, как оплота русского владычества, Далматовский монастырь сыграл видную роль и в деле просвещения Исетского края: первая школа в Зауралье появилась здесь. В 1718 году на основании указов Императора Петра I в монастыре заведено училище для обучения «чтению, письму, цифири детей крестьян вотчинников в том предположении, чтобы при пособии грамотности они совершеннолетние могли быть употребляемы по монастырю с пользой в хозяйственном управлении». Школа эта названа была славяно-российскою. Наконец, в 1748 г., по указу Сибирского митрополита Антония (Варижницкого) в это училище из Тобольска были присланы дети священно- и церковнослужителей Далматовского заказа, обучавшиеся при Тобольском митрополичьем доме.

В Далматовской славяно-русской школе обучение началось 10 октября 1748 г. кроме указанных предметов «чтению, пению, писанию, також и книжиц катехизиса о вере и законе христианском». Далматовское приказное правление преподавание в школе поручило учителю-распопу Кириллу Павлову со товарищи. В 1762 году славяно-русская школа была преобразована в славяно-греко-латинскую

семинарию. Воспитанники ее были присланы из Тобольской семинарии. Они были преимущественно дети священнослужителей Далматовского заказа. Учителем был диакон Николаевской церкви Дорофей Кривицкий. В этом году учащихся во всем училище было 83 человека, которые по классам распределялись так: элементарщиков, аналогистов, фористов 53, инфимистов 20, грамматиков 5 и синтаксистов 5, причем для всех младших классов был один учитель, указанный дьякон Кривицкий, а в классе грамматики и синтаксисы Максим Кечнев, оба из окончивших курсы Тобольской семинарии. За свою учительскую службу они получили жалованья по 10 руб. в год, или по 831/2 коп. в месяц. Учащиеся жили в монастырских кельях, пользовались монастырским столом с платою по 2 руб. 50 коп., а затем по 3 рубля с каждого ученика, на одежде родителей: «взять с каждого студента в латинской и русской школах в день по одной копейке». Почти все учащиеся поступали сюда не по своей доброй воле, а по приказанию начальства. «Дети протопоповские и поповские требовались по указу митрополита от церквей в возрасте от 10 до 15 лет». В 1783 г. начальником заказа был послан дьякон Кривицкий для переписи «детей священнослужителей, годных в школу от 7 лет и выше», чтобы вместе с тем дьякон собрал и плату за обучение азбуке по 30 коп., часослову по 50 коп., псалтыри по 1 руб., письму по 2 руб. и пению по 2 руб. с каждого ученика; «в случае упорства, не уплативший деньги, когда через солдата представится, из цепи будет не выпущен по то время, пока не заплатит денег». Первое время училище помещалось в особой келье, а затем в юго-западной башне и длинном низком корпусе, сохранившемся и донныне. Лучшие из окончивших школу отправлялись в Тобольскую семинарию в пиитический класс, а остальные назначались причетниками.

В 1818 году это училище было преобразовано в Далматовское уездное духовное училище, впоследствии переведенное в г. Камышлов, где существует и до настоящего времени.

Таким образом, с 1718 по 1818 г. в течение столетия Далматовский монастырь был посильным рассадником просвещения в Исетском крае сначала среди населения вотчины, а затем среди духовенства. Большинство пастырей этого края в былое время получили образование в этом монастыре. Кроме того, более 150 лет монастырь был руководителем и духовной жизни всего края, так как здесь помещалось Заказное духовное правление, во главе которого стоял настоятель монастыря.

Второклассная школа в Далматовском монастыре, насельники и учащиеся на фоне здания братского корпуса

Ссылные в монастырь

Закинутый среди лесов Исетского края, за Уральским хребтом, Далматовский монастырь с давних пор считался одним из самых отдаленных и глухих, почему в XVIII столетии был избран местом административной ссылки. Из видных лиц в этом монастыре были сосланы:

1) протопоп Московского Большого Успенского собора и Синодальный Член Иоанн Максимов, пробывший в заточении два года (с 1733 по 1735); он был прислан при указе Тобольского митрополита, от 17 июня 1733 года, и содержался здесь под крепким караулом двух монастырских приставников.

2) Княжна Прасковья Юсупова, которая была сослана 3-го мая 1735 года, по указу Тайной канцелярии, на безвыходное житье до кончины во Введенском Девичьем монастыре, находящемся в ведении Далматовского монастыря. Юсупова жила здесь под именем монахини Проклы; на содержание ее отпускалось от казны по 25 копеек в день, а для личных услуг находилась с нею дворовая девка-калмычка. Судьба молодой княжны Юсуповой довольно интересна. Она была дочь вельможи и богатого князя Григория Дмитриевича Юсупова, единомышленника и друга члена Верховного Тайного Совета Дмитрия

Михайловича Голицына. Как известно, князь Голицын был инициатором идеи ограничения власти Императрицы Анны Иоанновны в пользу Верховного Совета, желавшего утвердить олигархию из знатнейших аристократов. Ограничительные условия были приняты и подписаны Императрицею Анною; но против олигархии восстало дворянство и духовенство. Попытка Тайного совета потерпела неудачу, и почти все «верховники» поплатились за свою затею: двум Долгоруким отсекли головы, а затем пострадали Голицыны и другие. Уцелели лишь Головкин и Остерман; верховник же князь Г.Д.Юсупов, как говорят, захворал и умер с горя. Род Юсуповых попал в немилость, и вот молодая княжна Прасковья Григорьевна, желая вернуть к себе расположение Императрицы, обратилась к волшебству, дабы чарами склонить ее снова на милость. Это открылось, и княжна была арестована, подвергнута допросу в Тайной канцелярии и насильно пострижена в монахини под именем Проклы, известным сподвижником Императора Петра I Феофаном Прокоповичем, а затем сослана на житье в Тихвинский женский монастырь в 1730 году. В 1735 г. на Юсупову было сделан донос, что она, живя в монастыре, «жаловалась на Императрицу Анну, говорила, что было бы лучше, если бы царствовала Елизавета; бранила Бирона, рассказывала, что при Петре Великом Анну и сестер ее царевнами не называли, а просто: «Ивановнами». Юсупова снова была привезена в Петербург, подверглась розыску в Тайной канцелярии, где ее высекли кошками и отправили на житье в Сибирь, в глухой Введенский женский монастырь, находящийся при Далматовском Успенском монастыре (в 30 саженьях от него). Здесь она провела 9 лет, т.е. до 1744 года, находясь под строгим присмотром шести сестер, которые поочередно дежурили в ее келье, где Юсупова помещалась со своею калмычкою. Содержалась Прокла очень строго, находясь безвыходно в отведенном ей помещении; единственный выход был разрешен ей только в церковь и то в сопровождении прислужниц; строго было запрещено ей вступать с кем-либо в разговоры, иметь при себе бумагу, перья и чернила. Однако невольная монахиня оказалась весьма непокорной и очень суровой со своими тюремщиками: она наотрез отказалась признавать себя монахиней Проклой, а называлась по прежнему княжной Прасковьей Юсуповой; не носила монашеского платья, а одевалась белицей. Обо всем этом было донесено в Тайную канцелярию, которая указом в 1738 году предписала «монахиню Проклу за неповиновение монастырским установлениям бить шелепами»¹. По восшествии на престол Императрицы Елизаветы Петров-

¹ Шелепами — по щекам.

ны было даровано прощение всем сосланным во время Бироновщины. Между прочим было разрешено вернуться в Москву и заключенным в Сибирские монастыри. Для сбора их был назначен город Тобольск, куда, по распоряжению Исетской провинциальной канцелярии, была отправлена из Далматовского монастыря и княжна Юсупова в сопровождении военной команды; но вернуться в Москву ей было не суждено. Летом 1744 года был получен из столицы новый указ, которым приказывалось монахиню Проклу воротить по-прежнему в монастырь «на безвыходное содержание до самой ее смерти», а за непослушание и дерзости смирять ее «шелепами нещадно». Из Тобольска под строгим караулом сержанта и солдат Юсупову привезли в Исетскую провинциальную канцелярию, а оттуда она возвращена обратно в Далматовский монастырь для содержания в приписанном Верх-Теченском девичьем монастыре, переведенном туда из Далматова после пожара. Но невольная узница решительно отказалась жить в Верх-Тече, под наблюдением прежних ее тюремщиц. Она говорила, что там монахини отравят ее ядом, и просила оставить ее в Далматове. Просьба эта была уважена, и Юсупову вместе со служанкой-калмычкой поселили в особой келье при самом Далматовском монастыре, где она и жила до самой своей смерти под надзором солдат, которые привезли ее из Тобольска. Умерла Юсупова в этом же монастыре, но когда — неизвестно, а также никому неизвестна и ее могила². Служанка находилась при Юсуповой до самой ее смерти. В монастыре и до сих пор рассказывают, что она страшно убивалась и горевала, когда умерла ее госпожа: «Какой ты был добрый! Много ты терпела. Ох, как мне тебя жалко!» причитала калмычка. В описи архивных дел монастыря имеется «промемория из Исетской провинциальной канцелярии, при коей прислана княжна Юсупова в монашестве Прокла на безвыходное житье в монастыре за некое важное преступление, а при том и дело об ней на? листах». К сожалению, этого дела в настоящее время в монастырском архиве не имеется и не известно, куда оно увезено.

3) 13 июля 1739 г. при указе из Тайной канцелярии прислана сюда же в заточение вдова Степанида Соловьева «за важное дело». Она находилась под постоянным надзором военного караула. Соловьева тоже была пострижена в монахини под именем Софьи и пробыла в ссылке до 29 января 1742 года, когда возвращена в Москву.

4) 6 апреля 1753 г. присланы сюда в заточение из Тайной канце-

² В монастырских записях за 1762 г., еще имеются указания, что «княжна Юсупова содержится под строгим караулом капрала Тобольского гарнизона».

лярии под строгим караулом колодничи «Академии студент Александр Чадов по сумасшествию и иеродиакон Владимирской церкви в Москве в Китае Зосима расстриженный».

5) 18 сентября 1756 года при указе Св. Синода прислан для увещевания расстриженный иеромонах Феофилакт, в мире Федор Мелес.

6) По указу из С.-Петербурга был сослан ученый иеромонах Феофан Леонтович, содержавшийся здесь два раза: с 1764 по 1768 г. и вторично в 1782 г.

7) Из наиболее интересных узников монастыря после кн. Юсуповой, без сомнения, было генерал-адъютант граф Петр Апраксин, содержавшийся здесь три года с 1775 по 1778 г. Апраксин был сослан сюда по Высочайшему повелению 6 сентября 1775 года при секретном указе, в сопровождении воинской команды, и содержался очень строго в небольшом низком каземате, сохранившемся и до настоящего времени с левой стороны при входе в святые ворота. Каземат этот представляет из себя небольшой каменный очень мрачный домик, примыкающий к крепостной стене и состоящий из двух небольших комнаток с каменным полом и низкими сводами с четырех сторон в виде подвальных, во двор монастыря выходят три небольших оконца с толстыми тюремными решетками. Небольшая толстая окованная железом дверь ведет с улицы прямо в первую комнатку, в которой помещались солдаты, охранявшие узника. Отсюда такая же низкая и толстая дверь ведет в самый каземат, — сырую мрачную комнату с низким сводом. Величина камеры очень незначительна, — около 5 аршин длины и такой же ширины. С правой стороны в стене находятся две небольшие ниши, в которых, очевидно, были устроены шкафчики; печка наподобие голландки выходит в каземат лишь задней стеной, — топка из караулки. В общем тяжелое, мрачное впечатление получается от этого каменного мешка, в котором и днем царит полумрак. В этом каземате сидело большинство далматовских узников. Апраксин, как уже сказано, содержался чрезвычайно строго: всякий выход из каземата ему был совершенно воспрещен, кроме посещения церковной службы, куда он ходил в сопровождении двух или трех солдат. Хотя он и не был лишен чинов, орденов и своего звания; но его, как заключенного, одевали в серый арестантский халат с бубновым тузом на спине; собственная его одежда и все вещи, какие с ним привезены, были отобраны от него. Для назидательного, душеполезного чтения ему была выдана одна Библия; строго было воспре-

щено иметь какие бы ни было иные книги, а также бумагу, чернила, перья и все, чем можно писать. Несмотря на слишком строгое содержание заключенного, суровое обращение с ним, как арестантом, однако, было воспрещено: «страже не велено чинить ему никакого озлобления и неучтивства». На содержание Апраксина во все время заключения отпускалось казною по 50 коп. в день и 100 руб. одновременно на заготовление ему теплой одежды и белья. В 1778 году он был помилован Импер. Екатериной II и освобожден из заточения. Из монастырских записей видно, что это помилование было объявлено ему утром 6 января, караул был снят, и в тот же день Апраксин был у обедни в парадном своем генерал-адъютантском мундире и при орденах, в первый раз за все время своего заключения. 8 января того же года он выехал на жительство в Казань.

8) Почти одновременно с Апраксиным в 1776 г. был прислан из Тайной экспедиции в монастырь на пожизненное заключение раскольничий монах и наставник Герасим, пробывший здесь в суровом заключении 19 лет, до самой смерти в 1795 г.

9) 5 июля 1763 г. при указе Прав. Сената на пожизненное заключение прислан был секунд-майор Алексей Иванович Ржевский — «за сумасшествие». В инструкции, данной военной команде, между прочим, сказано: «произнесенных же от него слов, ежели он там что непристойное и придерзостное станет говорить, яко от полоумного в дело не ставить, но смирять его за то крепчайшим образом и строжайшим содержанием». Одновременно с Ржевским были заключены указанный выше монах Герасим и Федор Маковкин, крепостной человек графов Орловых. В чем заключалась вина этих лиц, из документов и записей монастырских не видно; но известно, что все они содержались под строжайшим караулом военной команды из трех солдат с капралом Андреем Поповым, отряженным из Тобольского гарнизона? для окарауливания княжны Юсуповой в 1762 г.. Все эти три заключенных оставались безвыходно в монастыре до самой своей смерти и означенная команда возвращена в Тобольск только в 1795 г.

Современное состояние монастыря и его достопримечательности

В заключение настоящего исторического очерка нелишне будет сказать несколько слов о современном¹ состоянии Далматовского монастыря и его достопримечательностях. Монастырь расположен почти в центре небольшого заштатного городка Далматова, бывшей Служней слободы. Святые ворота с высокою башнею, наподобие Московских кремлевских ворот, выходят на базарную площадь; а высокие каменные стены красиво выступают среди городских построек. Из святых ворот открывается красивый вид на внутренность двора, усаженного деревьями в виде аллеи. Направо в воротах приютилась небольшая монастырская книжная лавочка, а влево при входе во двор находится каземат, в котором томились сосланные узники. Теперь этот каземат пустует, хотя в последнее время, когда монастырь перестал быть местом ссылки, в этом домике стали жить схимники. От ворот к парадному крыльцу настоятельских покоев ведет широкая аллея из тополей и берез. К слову сказать, почти на всем дворе рассажено несколько таких аллей, имеющих вид небольшого бульвара, который в праздничные

¹ Автор дал описание монастыря по состоянию на 1914 год.

дни является местом для гуляний далматовской публики. Самым же любимым местом для прогулок служат монастырские парапеты, откуда открывается прелестный вид на окрестности, на Исеть и луговую сторону. Кельи занимают огромный двухэтажный корпус, устроенный на месте юго-западной стены; окна выходят в сад, раскинутый по склону к р. Исети. В монастыре имеются две церкви: старинный двухэтажный Успенский собор с приделною Дмитриевскою, находящейся на левой стороне, и Иоанно-Богословская церковь, возведенная в 70 годах XIX ст. Обе церкви отличаются довольно красивой архитектурой, особенно Успенская, построенная в древне-русском стиле. Особенное внимание обращают на себя узорчатый, весьма красивый пояс и узорчатые окна этой церкви. По красоте внешней отделки это одни из лучших храмов нашего края.

Вторая церковь, более светлая внутри, выстроена в русском стиле; она изящна и полна света. Придельная Дмитриевская церковь очень

Предметы из ризницы
Далматовского монастыря

небольшая и внутри имеет вид простой деревенской церкви. Особенностью ее являются очень узкие окна с толстыми железными ставнями, крепко запиравшимися изнутри. Колокольня Успенского храма вместе с крестом имеет в высоту 21 сажень. Такая высота, без сомнения, имела стратегическое значение, так как колокольня являлась наблюдательною вышкою, господствующей над всею окружающею местностью.

Из святынь Успенского храма следует указать на особенно чтимую икону Успения Божией Матери, принесенную Далматом при основании монастыря. Она помещается в особом киоте в нижнем храме. Внизу ее по серебру славянская надпись: «Образ Успения Пресвятыя Богородицы основателем обители сея монахом Далматом на место сие принесенный в царство Благочестивейшаго Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея великия, и малыя и белыя России Самодержца в 1644 году».

Крестный ходъ въ Даламатовъ Монастырь.

В ризнице монастыря хранятся несколько серебряных позолоченных напрестольных, довольно ценных и древних крестов с частицами мощей многих св. угодников. Все они пожертвованы разными лицами, причем на некоторых крестах выгравированные славянской вязью надписи; самый древний из них — 1691 г. с надписью «192 году марта в 10 день сей крест благословенный построил в дом Пресвятыя Богородицы, что в Сибири на реке Исеть, нарицаемый Далматов монастырь, по обещанию своему стольник Стефан Яковлев сын Коровин». Здесь же хранится довольно объемистый серебряный ковш старинной работы, весом 2 фунта 2 золотника. На дне ковша, внутри, матовый серебряный двуглавый орел чеканной работы; с наружной стороны по краю идет надпись славянскою вязью: «7179 года (1671). Великий Государь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Великия и малыя и белыя России Самодержец сим ковшом пожаловал Тобольского сына боярского Лариона Толбузина за усердную службу». Обращает также на себя внимание напрестольное Евангелие Московской печати по благословению патриарха Иоакима в 1686 г. Крышки Евангелия массивной работы из серебра, древней чеканки. На обороте передней крышки внизу надпись: «1721 года марта в 9 день многогрешный строил сие св. Евангелие по обещанию своему Сибирской губернии Ландрихтер Иоанн Лукин сын Чепелев».

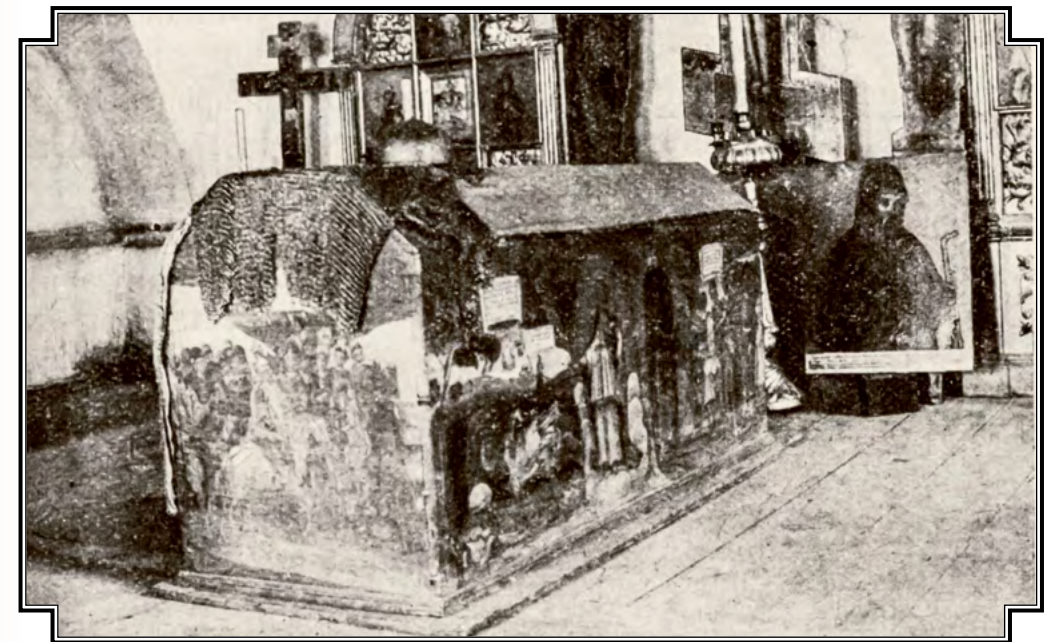
Кроме названных вещей, имеется в монастыре очень много подобных драгоценностей и почти все они пожертвованы благотворителями. Между прочим, в ризнице сохранилась оловянная чаша (потир), дискос и оловянные же тарелки, составляющие первую церковную утварь монастыря.

В этой же Успенской церкви помещаются архив и библиотека монастыря. Довольно старинный (с 1651 года) архив находится в большом порядке, благодаря трудам Далматовского Нестора, иеросхимонаха Ильи; но, к сожалению, много особенно интересных дел пропало; так, напр., нет секретных дел, касающихся ссыльных лиц, хотя по описи они и значатся. Очевидно, эти дела или увезены в государственный архив, или, как объяснил библиотекарь, «взяты частными лицами для описания да так и пропали: нет ни дел, ни описания». Таким же путем пропало довольно интересное дело 1773 года «о возмутителе казаков колодников Емельяне Пугачеве и злодейских действиях его партий и об атаке таковой монастыря здешнего через 23 дня по прочем». К числу редких письменных памятников, хранящихся здесь, относится собственноручное письмо святителя Тихона Задонского. Привожу это письмо в копии целиком:

«Преподобнейшие отцы, отец строитель и прочая о Христе братия. За писание ваше благодарствую. Что же изволите в письме мне приписывать, того я, ей, недостойн. А и люди откуда предприяли мене хвалить пред вами, я не знаю. Понеже я им ничего достойного, что до пастырского дела надлежит, не показывал. А прошу со мною, недостойным, по христианской любви к общему нашему щедрому Богу сотворить молитву и ныне, и по смерти моей да помилован буду Его благостию. Вас же тойжде Отец щедрот да сохранит от всех козней вражиих. Ваш слуга и брат недостойнейший Епископ Воронежский Тихон». Апреля 14 дня 1765 года. Воронеж.

Письмо это написано четким почерком XVIII столетия на грубой беловатой бумаге формата нынешнего почтового большого листа.

Библиотека монастыря состоит преимущественно из книг духовного содержания, но между прочим имеется за несколько лет и журнал «Русская Старина». В числе древних книг обращают на себя внимание довольно редкие экземпляры XVII столетия; так напр., а) требник Петра Могилы Киевской печати 1645 г.; б) беседы Иоанна Златоуста той же печати 1665 г.; в) арифметика Магницкаго, напечатанная в Москве славянским шрифтом с заставками, на грубой синей бумаге в 1703 г., и многие другие. Из рукописей следует отметить: Исаака Сирина в четверть листа тетрадь, писана гладью; толковую псал-

Гробница
и реликвии старца
Далмата в его
усыпальнице

тырь в трех книгах, написанную скорописью рукою Афанасия, архиепископа Холмогорского, в 1666 году, когда он жил в Далматовском монастыре в числе братии старца Далмата. На заглавном листе этой книги — собственноручная надпись Преосвященного: «Лета Господня 1700, месяца июня в 29 день принес в дар Господеву сию священную книгу псалтирь толковую первую, вторую и третью часть Преосвященный милостию Божиею Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важеский в свое обещание в Успенскую Далматову обитель, еже в Сибирстей стране на Исети реце».

В особой небольшой часовне, приделанной к новой церкви, находится усыпальница основателя монастыря, старца Далмата, над могилою устроен деревянный памятник в виде гробницы; с правой стороны от входа изображены на нем сцены из жизни Далмата, нападение Илегея и видение Божией Матери, а с левой изложены стихи, изображающие краткую историю монастыря.

«От воплощенна в мире несозданна света,
Тысяча шестьсот сорок четвертого лета, —
Возсия и в сей стране свет Святые Веры
От ископанной в земле Далматом пещеры.
Сей Димитрий Мокринский бе Тобольский житель;
Вот, дворянин, словес Христовых блюститель.
Таже монахом Невьянским владесе во брата,
С преименованием Димитрия в Далмата.
Кои добродетели узрев в нем приметы, —
Хотеша его себе в отцы имети.
Но он сокрылся сюды в пределы татарски
И вселился как Давид в селы Кидарски.
От устия Исети до самой вершины —
Не живяше в сей стране с верных не единый;
Первый Далмат с образом Успенья входит.
И Магомета во дно адово низводит.
Магомет сый — Илегей, Тюменский татарин,
Бяше сей вотчины наследный болярин.
Тем на Далмата с Тюмени стремися,
Но ему спящу в пути Пречиста явился,
Коим сновидением Илегей как млатом
Сокрушен, исповеда в страсе перед Далматом
Вашего де пророка Великаго Мати

Повеле мне вотчину свою тебе отдати,
Претя грозно не только ты не убить,
Но ниже словом худым честь твою вредить.
Зрак ея есть молния, риза — багряница
И по всей славе своей Великая Царица.
Сего ради Илегей призвав род и дети,
Даде старцу Далмату всю землю с приметы,
Сию землю святую, вновь обетованну,
Нечестивым отъяту, Далматови данну.
С черноризцев и бельцев собрася дружина,
Коим сердце и душа бяше всем едина.
Собравшесе, часовню с сени водружают.
И посреди безбожных — Бога призывают.
Сим огорчесе диавол, змий древний великий,
Испусти из уст своих, как реку, — калмыки,
Кои часовню с сеньми в пепел обратили,
Старцев и бельцов також пожгли да побили:
Избежавших же огня и мечного бою
Поймав, мучив и связав отвели с собою
Един Далмат, яко Нил по Синайском плене
И яко вестник оста в Раифской пустыне;
Оста еще во печи того Вавилона,
Далматом принесена Успенская икона.
Там точию киот сей мало обожесе,
Где его в огне рука неверных коснеше.
Тую икону и днесь zde мы почитаем,
Величия Божия в оной прославляем.
— Видел еси корень свят, виждь и ветвь такову,
Далматову кость, плоть, кровь и мысль всю Егову.
Знаешь ли сына присна от отчаго зрака,
Архимандрита сего кроткаго Исаака.
Познай же и мысль его отеческой точну,
В подвигах монашеских по гроб непорочну.
Как отца разорили реченны калмыки,
Он вдруг в силу пришед — подъял труд толикий;
Яко церковь Божию, кельи и ограду
Сделать отцу и прочим от варвар отраду.
Лета тысяча шестьсот шестьдесят второго,
Третьяго, четвертаго быв от духа злого

Наущен с башкирцами царевич Сибирский,
На место сие трижды устремися зверски,
Деревни монастырски в пепел обращая,
Крестьян убив, — жен, детей и скот весь пленяя;
Сия буря кедров сих двух не сокрушила,
Но наипаче в корени веры утвердила;
Не только бы zde сами обитать дерзают,
Но и ратным на башкир в нуждах пособляют.
Тысяча шестьсот осьмьдесят перва лета,
Освященная Богу девы от обета,
Притекают сюда же работать Христови.
Тем Исаак с Далматом вдруг монастырь новый, —
Монастыря своего близ, сооружают
И двадцать семь сестер с собою питают.
Тысяча шестьсот девяносто седьмого лета
Прейде Далмат в обитель невечерня света,
На месте семь пятьдесят третий год кончая,
Претерпев благодарно — толика злая.
Исаак Елисею подобный ревнитель,
Сугубый дух приемлет яко добр строитель:
Ко ветхой церкви две еще прибавляет,
Кои благолепием дотоль украшает:
Что церкви и здания всяка монастырска —
Бяху чудо и слава новая Сибирска.
Лета тысяча семьсот седьмого в начатку,
Сожже рука враждебна все то без остатку.
Исаак же в огни том, как злато в горниле,
Искушен, но не ослаб ни в душе, ни в силе,
Но противясь сатане Бога призывает
И в том же самом году здати начинает:
Созда весь от камени, еще видим ныне
В сей богоспасаемой Далматовской пустыне.
В семьсот двадцать четвертом в небо преселися
На месте сем семьдесят семь лет потрудися
Чтож, труды Исаака много успевали?
Не чудись! — Христолюбцы много пособляли;
И ныне б обитель святая успела,
Но уже Христолюбцев вера оскудела.

Когда написано это стихотворение и кто автор его, неизвестно; но несомненно, что оно относится к первой половине XVIII века, иначе автор не упустил бы из вида таких двух важных событий, как Дубинщина и особенно Пугачевский бунт.

В этой же усыпальнице находятся два старинных портрета, писанных масляными красками, инока Далмата и его сына архимандрита Исаака, основателя и строителя монастыря. На гробнице, как видно из прилагаемого рисунка, положены кольчуга и шишак Илегея, пожертвованные им Далмату. Кольчуга устроена из небольших стальных колец и весит 28 фунтов; шишак из тонкого железа с железным же козырем, наушниками, весом 8 ф. Характерно, что каждый богомолец, приходящий на поклонение гробу Далмата, считает своим непрямым долгом одеть эти вещи и помолиться в них, искренно веря, что одежды Далмата (Илегея) исцеляют от слабости, а шишак от головной боли. Около самой гробницы находится люк (подполье), откуда каждый богомолец берет горсть земли. В логу, около монастыря, на месте первого поселения Далмата, есть святой ключ, ископанный, по преданию, Далматом; вода этого ключа считается целебной.

В заключение настоящего очерка, нелишне сказать о значении монастыря в духовной жизни края. Основатель монастыря, старец Далмат, пользуется огромною известностью среди населения Зауральского края и до настоящего времени. Ежегодно сюда стекаются тысячи богомольцев из окрестных губерний: Оренбургской, Уфимской, Пермской и Тобольской. Все, идущие в Верхотурье, считают непрямым долгом зайти и к преподобному Далмату, как его называет народ. Хотя Далмат не канонизирован, однако, народ давно считает его святым и в указанных губерниях, в каждом селе и деревне, можно встретить на божнице портреты инока Далмата. Чтут его не одни православные, но и окрестные башкиры, почему каждый башкир, приезжающий в Далматов, старается побывать в монастыре и поклониться его гробу; новобранцы, принятые в солдаты, обязательно заходят в усыпальницу «поговорят что-то по своему, осмотрят кругом, пошепчут на руки и уйдут», рассказывают монахи. Как воина, его считают покровителем и защитником военных. Сверх того, Далмат считается чудотворцем, так как немало случаев исцеления совершалось у его гроба.

Давно пора, кому следует, обратить особое внимание на забытый всеми монастырь, сыгравший в былое время такую видную роль в истории нашей окраины.

В 2008 г. по благословению епископа Курганского и Шадринского Михаила была создана Комиссия по канонизации святых Курганской епархии под председательством игумена Варнавы (Аверьянова). Наиболее значительным деянием данной Комиссии явилась подготовка, оформление и представление в Синодальную комиссию по канонизации святых материалов о почитании местночтимого святого преподобного Далмата Исетского, в результате чего на Архиерейском соборе в феврале 2013 г. состоялось его общецерковное прославление.

В связи с преобразованием 5 мая 2015 г. Курганской епархии в Курганскую митрополию в составе двух епархий, на основании решения архиерейского совещания Курганской митрополии от 29 июля 2015 г., по благословению Главы Курганской митрополии митрополита Курганского и Белозерского Иосифа, епископа Шадринского и Далматовского Владимира была создана единая Комиссия по канонизации святых для обеих Зауральских епархий. Председателем Комиссии по канонизации святых Курганской митрополии был назначен игумен Варнава (Аверьянов).

В 2019 г. были вновь созданы самостоятельные епархиальные Комиссии. Игумен Варнава (Аверьянов) возглавил Комиссию по канонизации святых Шадринской епархии. Основными задачами данной Комиссии являются сбор, обработка, изучение и публикация материалов о подвижниках благочестия и святых, жизнь и подвиги которых связаны с историей земель, составляющих территорию нынешней Шадринской епархии. В более широком смысле в сферу деятельности Комиссии входят также вопросы систематизации материалов о местных святынях и церковном краеведении.

Комиссия по канонизации святых Шадринской епархии осуществляет издание агиологических и церковно-исторических материалов на базе Православного историко-просветительского центра «БЕЛОЕ ГОРОДИЩЕ» при Успенском Далматовском мужском монастыре.

Первой публикацией издательства «БЕЛОЕ ГОРОДИЩЕ» стала вышедшая в 2016 г. брошюра «Успенский Далматовский мужской монастырь». Позднее были изданы книги об известном уроженце Зауралья архимандрите Антонине (Капустине) и две книги из серии изданий «Церковная история Зауралья». Предлагаемое читателю переиздание очерка А. И. Кривошекова «Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия в Исетском крае и его достопримечательности» продолжает серию публикаций «Из истории монастыря». Выходящее в 2021 г. издание посвящено 205-летию открытия Далматовского духовного училища.

Адрес Комиссии по канонизации святых Шадринской епархии:
641730, Россия, Курганская область, г. Далматово, ул. Советская, 194,
Успенский Далматовский мужской монастырь.
E-mail: agioi-zaural@mail.ru
Сайт: agioi-zaural.ru

**Выражаем благодарность
за помощь в издании книги:**

генеральному директору ООО ТД «АСБ»
Александру Владимировичу Богрянцеву (г. Челябинск)

СОДЕРЖАНИЕ

ДАЛМАТОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ
КАК ОПЛОТ РУССКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА
И ПРАВОСЛАВИЯ В ИСЕТСКОМ КРАЕ
И ЕГО ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

9

СОСТОЯНИЕ ИСЕТСКОГО КРАЯ В XVI ВЕКЕ

II

ОСНОВАНИЕ ДАЛМАТОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

13

НАПАДЕНИЯ ИЛЕГЕЯ

16

КАЛМЫЦКИЙ НАБЕГ

20

ПОЯВЛЕНИЕ ПОСЕЛЕНЦЕВ

23

БАШКИРСКИЕ ПОГРОМЫ

25

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СТАРЦА ДАЛМАТА И ИГУМЕНА ИСААКА

33

БАШКИРСКИЙ БУНТ
1736-1737 ГГ.

48

ДУБИНЩИНА

51

ПУГАЧЕВСКИЙ БУНТ

58

ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНАСТЫРЯ

63

ССЫЛЬНЫЕ В МОНАСТЫРЬ

66

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МОНАСТЫРЯ
И ЕГО ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

71

Научно-популярное издание

А. И. Кривошеков
Далматовский монастырь
как оплот русского владычества
и православия в Исетском крае
и его достопримечательности

Ответственный за выпуск игумен Варнава (Аверьянов)

В издании использованы фотографии из фондов
Свердловского областного краеведческого музея,
Шадринского краеведческого музея им. В.П. Бирюкова,
ГМО «Художественная культура Русского Севера»,
а также С. М. Прокудина-Горского

Обработка иллюстраций, компьютерная верстка,
дизайн О.А. Серебренников
Редактор и корректор А.М. Бритвин

Подписано в печать: 14.07.2021
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 10,20.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ...

БЕЛОЕ ВРОДИЦЕ

2021